

Наталья Черноглазова

Лабиринты Души

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Наталия Черноглазова

Лабиринты души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69276487

SelfPub; 2023

Аннотация

Что, если наш мир устроен не так, как это представляет большинство живущих в нём людей? Каждый из нас хочет думать, что именно он является хозяином своей судьбы, что только он способен принимать решения, делать выбор, опираясь исключительно на свои силы и знания. Каждый знает, что проживёт свою жизнь так, как он сам этого пожелает, и даже сам Дьявол будет не в силах этому помешать. Главный герой этой книги, Дмитрий, – простой человек. Он так же, как и все мы, мечтает, надеется и любит. Он точно знает, что ему нужно от этой жизни. С каждым новым испытанием в нём иссякает вера и душевные силы, но он стойко переносит удары, зная, что, в конце концов, он обретёт заслуженную гармонию. Но вот устроит ли Всевышнего такой сценарий? Какова цена искалеченной души?

Содержание

Пролог	5
Часть 1	12
Глава 1. Боль	12
Глава 2. Отчаяние	18
Глава 3. Борьба	24
Глава 4. Пустота	31
Глава 5. Смерть	38
Глава 6. Одиночество	46
Глава 7. Затмение	51
Часть 2	55
Глава 1. Ожидание	55
Глава 2. Вина	58
Глава 3. Расплата	65
Глава 4. Совесть	69
Глава 5. Безысходность	72
Глава 6. Крушение	77
Глава 7. Мама	84
Глава 8. Безумие	90
Глава 9. Надежда	98
Часть 3	102
Глава 1. Пробуждение	102
Глава 2. Комнаты	109
Глава 3. Остатки веры	123

Глава 4. Выбор	134
Эпилог	147

134
147

Наталия Черноглазова

Лабиринты души

Пролог

Он сказал, что я особенный. Да, прямо так и сказал.

Люди во дворе называют меня больным. Или дураком. Я на них не обижаюсь. Мне нравятся люди. Иногда они угощают меня сладостями. За это я кривляюсь и машу руками и ногами, а они смеются. Я люблю, когда люди смеются, это так здорово! Правда, дети часто гоняются за мной по двору и больно колотят палками по спине, но я на них не сержусь. Это они так веселятся.

Раньше мама не разрешала мне выходить во двор. Она говорила, что это опасно, что люди бывают очень злыми. Я ей не верил. И сейчас не верю. Люди все хорошие, особенно дети. И дразнятся они не потому, что плохие, а потому, что они так играют. Я люблю играть с детьми, но мама меня ругает за это. Она вообще редко улыбается, чаще плачет или кричит на меня. Поэтому я стал убежать на улицу.

Сегодня я вышел рано, двор был пуст. Я сел на скамейку возле подъезда и стал ждать. Когда долго ждёшь, в голову лезут разные мысли, которые надо думать. Я не люблю думать, это скучно. В такие моменты мама начинает кричать, чтоб я

убрал с лица дурацкую ухмылку. Она говорит, что думать, — это плохо, и ничего путного из этого не выйдет.

Я, наверное, так крепко задумался, что даже не заметил, как ко мне подошёл какой-то человек и сел со мной рядом на скамейку. Я просто повернул голову вбок, а он уже сидел рядом. Самое странное, он не смеялся. Он просто смотрел на меня. И глаза у него были такие... непонятные. Цветом, как солнце. Точно! Солнечные глаза. Я ещё подумал, что об них вполне можно обжечься, если долго всматриваться.

Он спросил, как меня зовут, и как у меня дела. Таким ласковым, бархатным голосом. Я не знаю, почему, но мне резко захотелось пить, в горле стало очень-очень сухо. У меня никто никогда не спрашивал, как мои дела.

И я ему рассказал. Про всё. Про то, как я люблю смотреть в окно, как целыми днями играю во дворе, как плачет мама, как каждый вечер я рисую солнце.

Человек слушал очень внимательно, качая головой. В его руке тлела сигарета, и пепел от неё падал прямо ему на плащ. Да, он был в плаще, хотя на улице было очень тепло. Он вообще был странным, но он мне безумно нравился. Я всё говорил и говорил, проглатывая в спешке слова, ведь я боялся, что он сейчас встанет и уйдёт.

Но он не уходил. Вместо этого он вытащил из кармана своего плаща конфеты и протянул их мне. Я подумал, что мне нужно скорчить смешную рожу или покукарекать, но он остановил меня и сказал, что дарит мне конфеты просто так.

Просто так? Мне стало жарко от его слов. Я сидел с полными горстями конфет и задыхался от жары. Мои руки дрожали. Я не мог думать, мысли убегали в разные стороны. Я так и сидел, хватая ртом воздух, пока не услышал странный вопрос:

– Мальчик мой, ты веришь в Бога?

Я засмеялся. Человек в плаще стал смеяться вместе со мной.

Помню, мама ещё давно говорила мне, что Бог – это седой старичок в белой одежде, который сидит на небе и наблюдает за нами. Я тогда сразу побежал к окну посмотреть, но мама сказала, что из окна нашей квартиры Его не видно. Если честно, я не очень-то во всё это поверил. Где он там сидит? Как с такой высоты можно что-то увидеть? Да и вообще...

– О чём ты думаешь?

– О Боге, – честно ответил я. Тут меня осенило:

– А вы его видели?

– Видел. – Человек с жёлтыми глазами посмотрел на меня серьёзным взглядом.

Я ему сразу поверил. Мне подумалось, что человек с такими глазами не может врать.

У меня в груди как будто лопнул воздушный шарик:

– Если бы я увидел Бога, я бы спросил у него, почему меня все обзывают больным идиотом, почему мама всегда плачет, и почему умер Иисус?

– Кто такой Иисус?

– Это наш дворовый кот. Знаете, какой он умный был?

– Знаю. Все коты очень умные.

Незнакомец помолчал немного и добавил:

– Ты не слушай никого. Ты вовсе не больной. Ты особенный.

– Правда?

– Правда. Ты просто... заблудился.

И снова этот взгляд. По моей спине поползли мурашки.

Человек в плаще посмотрел на часы.

– Пора, – сказал он.

Я расстроился. Я так не хотел, чтобы он уходил!

– Вы ещё придете сюда? – спросил я с надеждой.

Он посмотрел на меня и улыбнулся:

– Конечно. Мы обязательно встретимся.

Я обрадовался. Ведь мне ещё так много всего нужно ему рассказать!

Тут я вспомнил, что даже не спросил, как его зовут. Но рядом уже никого не было. Как он смог так быстро уйти?.. Я с удивлением мотал головой во все стороны, пытаюсь увидеть удаляющийся силуэт человека в плаще. Его нигде не было.

Он вернётся. Он мне обещал. Завтра я спрошу у него, как его зовут. И покажу свои рисунки. До меня вдруг дошло, что я даже не рассмотрел его как следует. Всё, что я помнил точно, так это его ярко-жёлтые глаза, строгий чёрный плащ с большими блестящими пуговицами и прямые чёрные волосы до плеч. Такой странный человек, да и человек ли? Было

в нём что-то... неправильное. Может, он живёт на Солнце? Тогда это объясняет, откуда у него такие глаза.

Я так задумался, что не заметил первый камень, который врезался в моё плечо.

Дети подбежали целой стайкой, смеясь и показывая на меня пальцами. Я тоже рассмеялся. Сейчас мы будем играть.

– Смотрите, сколько у дурака конфет!..

– Ты где их взял?..

– А ну, отдай!..

– Идиотам сладкое вредно!..

Самый старший, Вадимка, больно ткнул меня палкой. Конфеты посыпались из моих ладоней. Я поднял одну, скорчил детям страшную рожу и кинулся наутёк. Дети с криками восторга ринулись за мной. Это наша любимая игра! Вдогонку мне летели камни, кирпичи и просто ветки, упавшие с деревьев.

Начинался дождь. Я бежал и смеялся. Сегодня такой хороший день! Лучше его может быть только завтра. Я был так счастлив, что почти не чувствовал боли от ударов. Я даже успел подумать, что сегодня вечером обязательно нарисую солнце для Желтоглазого человека. Такое, чтоб было ему под цвет глаз.

... Мне показалось, что я споткнулся. Упав, я хотел приподнять голову, но с удивлением обнаружил, что уже наступил вечер, вокруг быстро сгущались сумерки. Голова стала такой тяжёлой, что пришлось опустить её на мокрый ас-

фальт. Все звуки вдруг стихли, был слышен только стук дождя о мостовую. Тяжёлые капли падали мне на лицо, на тротуар, собирались в забавные ярко-красные ручейки и устремлялись к водостоку. Один, два. Красный дождь. Пять, семь. Я попытался встать, но уже не смог.

...Человек в чёрном плаще стоял поодаль и наблюдал за тем, как дети убивают дворового дурака. В каком-то диком исступлении они колотили лежащего палками и сухими ветками. Кто не мог подойти поближе, швыряли в дурака камни и обломки кирпичей и бетона.

В небе громыхнуло, тяжёлые капли начинающегося дождя застучали по мостовой. Подул ветер. Дети продолжали яростно избивать свою жертву, будто не замечая, как под их ногами растекается кровавое пятно. Погода словно сошла с ума. Дождь усиливался, в небе сверкали молнии, прошивающие грозовые тучи насквозь. Человек в чёрном плаще видел, как лежащий на земле идиот пытается встать, извивается и обхватывает свою голову руками, защищаясь от ударов. Кто-то из жильцов дома, выглянув в окно и увидев происходящее, закричал на детей, приказывая им остановиться. В это же время сильный порыв ветра с треском сломал напололам растущее у подъезда дерево и снёс крышу у стоявшего неподалёку киоска. Дождь уже стоял стеной. Послышался звон разбитого стекла на верхних этажах дома, – это ветер с силой распахнул неплотно прикрытые рамы и вынес оконное стекло. В небе грохотало, гигантская молния ударила пря-

мо в асфальт, высекая искры. Дети с визгом побежали врас-
сыпную, оставив дурака истекать кровью, царапая мокрый
асфальт скрюченными пальцами. К нему уже бежали люди.

Сверху раздался оглушительный жуткий рёв. Человек в
чёрном с ненавистью смотрел в небо.

– Я тебе его не отдам! – прошептал он. – Слышишь?..

Часть 1

Глава 1. Боль

Дмитрий сидел за рабочим столом, обхватив голову двумя руками. Накопившаяся за последние дни усталость давила на плечи.

Только что из кабинета вышла женщина, крепко держа за руку маленькую девочку лет пяти в ярко-розовом платье.

... – Папа сказал, что я Мальвина! – застенчиво прячась за мать, сказала доктору девочка.

Дмитрий посмотрел на женщину. В ту же секунду та отвела взгляд, после которого осталось ощутимое послевкусие отчаяния и крушения надежд. Дмитрий часто видел такой взгляд, когда спрашивал об отцах приводимых к нему детей. Иногда отцы приходили. Когда диагнозы ещё нуждались в подтверждении, когда надежда на лучшее ещё не умирала. А потом...

Дмитрий привык ко многому. В его профессии эмоции не просто излишни, но и губительны. Сердце человека не может вместить столько боли. У каждого сердца есть лимит. Чужая боль – лишняя, ненужная. «Всех не пожалеешь» – кажется, так говорят люди?..

Димка потёр виски кончиками пальцев.

К чужой боли можно привыкнуть. Можно абстрагироваться, пропустить её через себя. Дмитрий уже давно привык, выходя из кабинета, оставлять эмоции внутри него. Взаперти.

К чужой боли можно привыкнуть. К чужой. Не к своей.

«Когда ты смотришь в глаза умирающим детям, в глаза их умоляющих родителей, когда внутри тебя – пустырь, огороженный забором из колючей проволоки, тебя держит на плаву лишь одно, – семья. Каждый день, возвращаясь домой после тяжёлого дня, ты знаешь, что дома тебя ждут. Пусть ты болен, устал, не в настроении, но – ЖДУТ...»

...Женщина с дочерью давно уже вышли из кабинета, но Дмитрий продолжал тоскливо смотреть на не до конца прикрытую дверь. Ещё четыре месяца назад эта малышка была розовощёкой и улыбчивой, и её никак нельзя было назвать нездоровой. Сейчас от прежнего жизнерадостного дитя остались лишь большие, блестящие глаза.

По статистике, в 85 % случаев детский рак излечим. По статистике...

К чёрту статистику. Дмитрий покачал головой и достал из ящика стола сигарету. Посмотрел на часы.

Он каждый день позволял себе думать о том, что дома его и правда ждут. Две его девочки. Дмитрию нравилось, шагая домой, представлять себе момент, когда он открывает дверь своим ключом и тихонько заходит в квартиру. Он каждый раз старался заходить бесшумно, чтобы застать дев-

чонок врасплох.

«Из комнаты в прихожую выглядывает жена, Иринка. Её короткие чёрные кудряшки смешно торчат в разные стороны, зелёные глаза улыбаются.

– Машуль, а ну, посмотри-ка, кто пришёл домой?

Сразу же – топот маленьких ножек по ковру.

– Папа! – и Дмитрий уже подкидывает вверх смеющуюся розовощёкую кудрявую девочку. Маленькие ладошки гладят его по небритому подбородку...»

Человеческий мозг – удивительная вещь. Он устроен так, что в случае сильного стресса может заменить часть страшной действительности спасительной иллюзией. Замещение реальных эмоций на ложные помогает оставаться на плаву какое-то время. Не сойти с ума.

Каждое утро, включая кофе-машину, Дмитрий в настройках выбирал ДВЕ чашки. Старался не шуметь, собираясь на работу, чтобы не разбудить девочку. На работе в перерывах проверял входящие сообщения в телефоне.

Дорогу домой после нервного рабочего дня он любил особенно. Он обязательно заскакивал по пути в кондитерскую лавку. В самом деле, не может же он пойти домой с пустыми руками!.. Иринка всегда ворчит на него, когда он достаёт из пакета корзиночки со сливочным кремом – для неё, и слоёные трубочки – для Машки.

Дорога домой обычно занимает около получаса.

Подходя к подъезду, Дмитрий каждый раз верил, что до-

ма его и правда ждут. Каждый день его мозг пластично прогибался под эту иллюзию.

Конечно, ждут. Дмитрий верил в это, когда открывал подъездную дверь. Верил, поднимаясь по лестнице на шестой этаж. Верил, проворачивая ключ в замочной скважине... Даже когда его встречала тишина, он заставлял себя думать о том, что девочки просто уснули, не дождавшись его с работы. Или, желая его разыграть, притаились за кухонной дверью, чтобы в нужный момент резко выпрыгнуть на него из темноты.

Так он и жил последнее время, отчаянно веря в то, что всё по-прежнему. Ничего не случилось. Не было ничего, и точка!

Где-то там, в глубине души, он прекрасно понимал, что всё это фальшь, попытка замаскировать чувство вины. Дмитрий сознательно позволял себе выкинуть из памяти то, что причиняло ему боль. Гораздо легче поверить в ложь, если благодаря ей ты ещё способен дышать и жить дальше. Правда убивает.

«— Может, сегодня освободишься пораньше? – Иринка с надеждой заглядывала в его глаза, привстав на цыпочки и обхватив руками его плечи. – Машка в последние недели сама не своя. Скучает по тебе. Капризничает.

Дмитрий поцеловал её в лоб.

– Ириш, пришлось взять больше работы. Ты же знаешь, сейчас лето, работать некому. Потерпи, лапа.

– Я-то потерплю, – прищурилась Иринка. – А Машка... Ей плохо без тебя».

Дмитрий уходил на работу, испытывая угрызения совести перед дочерью. Он каждый раз обещал себе, что обязательно наверстает упущенное. Как только будет полегче с работой, он свозит семью на море. Хотя бы на неделю. Сводит в аквапарк, на карусели. Машка уже давно нестерпимо хотела прокатиться на карусели. Вот и будет ей счастье...

Какой, всё-таки, может быть жестокой эта жизнь. Страшной, неправильной. Как в одночасье будущее может стать прошлым?..

Мечты должны сбываться. Несбывшиеся мечты – это яд замедленного действия, яд, выжигающий душу дотла. Несбывшиеся мечты рано или поздно убивают, а в лучшем случае – сводят с ума.

Не было моря. Не было вкусного мороженого, которым торгуют в парке аттракционов. Не было ничего.

Дмитрий, словно очнувшись, помотал головой из стороны в сторону. Кинул взгляд на часы. Он сегодня сильно задержался на работе. Суетливо засунув так и не подкуренную сигарету обратно в пачку, Дмитрий встал из-за стола, быстрыми шагами пересёк кабинет, и, рывком сняв пальто с вешалки на стойке, почти бегом побежал по коридору онкологического отделения к выходу. Он даже не заметил, что чуть не сбил с ног оторопевшую санитарку.

Санитарка, пожилая женщина, молча перекрестила его

вслед.

Глава 2. Отчаяние

Всё начиналось с малого: перемены в настроении, поведении, необоснованная усталость, плохой сон. Эти перемены не грянули внезапно, они подкрадывались незаметно.

В то время был непростой период в семье. Дмитрий целыми днями пропадал в больнице, У Иринки тоже был аврал на работе... В общем, оправданий была масса.

Дмитрий смутно помнил, в какой момент страшные подозрения проникли к нему в душу. Даже нет, не подозрения. Скорее, это было непонятное, тревожное ощущение. Впоследствии он часто спрашивал у себя: как долго это продолжалось, как долго он отмахивался от надвигающегося ужаса?

Когда дочери стало хуже, Иринка первой забила тревогу. Машка стала уж слишком вялой и безучастной к окружающему миру для пятилетнего ребёнка. Часто плакала. Часто жаловалась, что болит голова...

Когда были готовы результаты томографии, Ирина пришла к нему на работу. Не позвонила, а пришла сама. Зашла в кабинет и села на стул напротив его кресла. Она молчала, но слова были уже излишни.

Дмитрий смотрел в её глаза.

Когда-то давно, глядя на неё, Дмитрий впервые подумал, что глаза любого человека – это и вправду море. Неважно, какого они цвета. У каждого – своё море. Зелёные гла-

за Иринки успокаивали, несли тепло и свет. Димка всегда находил в них успокоение. Такое чувство бывает у маленького ребёнка, на секунду потерявшего мать в толпе людей, уже готового запаниковать, но вдруг нашедшего её глазами. Дмитрию всегда было достаточно одного взгляда этих родных глаз, чтобы всё плохое и страшное вмиг рассеялось, ушло. Только один взгляд, и нет больше ничего, кроме бескрайнего спокойствия, уверенности в завтрашнем дне и обволакивающего тепла.

Но в тот день глаза Иринки были словно чужими. Мёртвыми.

«— Дим, что теперь?..»

В тот самый день остановилась жизнь.

Обрывками книжных страниц мелькали дни, недели. Дмитрий по-прежнему ходил на работу, пил кофе, ел, иногда спал. Но всё это уже не имело никакого смысла, ибо мир вокруг замер, треща по швам и сжимаясь. Было ясно, — так, как прежде, уже никогда не будет. Даже когда Машка была ещё жива и сидела у него на коленях, обхватив его шею худеющими ручонками, а Иринка гладила их обоих по волосам, сияясь улыбнуться, он УЖЕ чувствовал пустоту.

Поздно спохватились. А кто знал?..

Рак — коварная вещь. Дмитрий знал это, как никто. Опухоли головного мозга не диагностировать без помощи специального оборудования. В момент, когда увеличивающаяся опухоль даёт о себе знать, зачастую бывает уже поздно.

Димка даже представить себе не мог, что те слова, что он столько раз говорил обезумевшим от горя родителям, он когда-нибудь скажет самому себе.

«Опухоль, к сожалению, не операбельна.»

Лечение возможно. Лечение немного продлит жизнь, сдерживая разрастание опухоли. Но панацеи нет. На таких сроках – нет.

«Знаете, почему взрослые, состоявшиеся люди после оглашения неутешительного диагноза впадают в крайности? Почему испытывают злость, депрессию, выплёскивая негатив на окружающих людей, а дети часто более стойко переносят болезнь, терпят боль, бесконечные анализы? Потому что взрослый человек понимает, ЧТО означает его диагноз. Конец. Смерть. Забвение. Бесмысленность. Детям же такое даже в голову не приходит. Для них не существует чёткого понимания законов сущего. Они до последнего радуются мелочам, рисуют, охотно рассказывают, кем они хотят стать, когда вырастут...

Если хотите переосмыслить и полюбить жизнь, добро пожаловать в детское онкологическое отделение. Особенно это касается святош, что любят за чашкой чая порассуждать о Священном Писании, борьбе добра и зла, Иисусе Христе и спасении грешной души. Загляните в глаза умирающим детям и попробуйте рассказать им, как же ваш Господь любит их, как ждёт их мученические души в райских садах на небе.

Если Бог и правда существует, то ему нет прощения за ту

Преисподнюю, что он устроил на земле...»

Иринка пыталась воззвать к Богу. Дома появились иконы, на которых были запечатлены лики всех святых, какие только существовали когда-либо. Ира становилась перед ними на колени и молилась, начиная молитвы едва слышным шёпотом, а потом срываясь на крик.

Иногда Дмитрию хотелось подбежать к жене, рывком поднять с пола, наорать на неё, избить. Ему казалось неправильным и постыдным зрелище коленопреклонённой жены, скулящей у глупой картинки и умоляющей спасти её дочь.

«От чего спасти?! Ты в своём уме, дура?! Это же Он, Он сделал! Он позволил этому произойти, а теперь он наслаждается шоу?!..»

...Один знакомый психиатр как-то сказал Дмитрию в шутку: «Если бы Бог вдруг вздумал пройти у меня обследование, то я бы с большой долей вероятности диагностировал бы у него делегированный синдром Мюнхгаузена.»

Дмитрий в детстве верил в Бога. Но чем старше он становился, тем больше было вопросов, и меньше – ответов. В юности ему попала в руки довольно популярная у сатанистов книжонка (хоть убей, имя автора Дмитрий вспомнить не мог), и в ней была замечательная фраза о том, что Бог нуждается в медицинской помощи. Тогда, много лет назад, эта фраза возмутила Димку. Сейчас – вызывала истерический смех.

Бог и вправду болен. Психически. Это существо надо при-

взывать ремнями к больничной койке и колоть ему нейролептики. Его нужно, нужно обездвижить, чтобы помешать ему творить зло.

Говорят, что нет атеистов в падающем самолёте. Жизнь Дмитрия действительно падала. Он не мог на это никак повлиять, он мог лишь бессильно смотреть на падение. Да, многие в таких ситуациях приходят к Богу, но Димка, напротив, терял веру с каждым днём.

«Услышь голос молений моих, когда я взываю к тебе, когда поднимаю руки мои к святому храму Твоему...»* [*Псалом 27. Прим. автора]

Нет, Он не слышал. Даже больше – Он НЕ СЛУШАЛ!

Дмитрий смотрел на Иринку, стоящую на коленях перед иконостасом, и его охватывала ярость, всепоглощающая, бесеная злость. Это неправильно. Так не должно быть. За что?.. Димка просто не понимал, о каком прощении он должен молить Бога. Он просто хотел жить и делать счастливой свою семью. Он хотел вырастить дочь, пройти с ней все её этапы взросления, хотел радоваться её успехам в школе, станцевать танец на её свадьбе, хотел баюкать на руках её детей. Почему Бога не устроили такие планы?

Димка не держал на Него зла за своё собственное детство. Он всю свою жизнь стойко переносил удары судьбы, думая, что это просто испытания, на которые он не может повлиять. Но Димка был уверен, что, когда он вырастет и будет строить свою жизнь сам, он скажет спасибо Богу за то, что тот сделал

его сильнее.

Глава 3. Борьба

Его жизнь и правда можно было назвать несправедливой. Димка не помнил ни одного её периода, где ему не приходилось бы в буквальном смысле прогрызать себе путь.

Мать его не любила. Нежелательная беременность, тяжёлые роды, безысходность и нищета. Своего отца Димка никогда не видел. Уже в первые годы своей жизни маленький Димка ощущал свою ненужность этому миру. Сколько он себя помнил, он всегда был один. Всегда в стороне. Изгой. На него никто не обращал ни малейшего внимания, ни один сверстник не звал играть. Его как будто бы не было. Позже, в школе, стало немного лучше. Неожиданно обнаружилось, что Димка невероятно смысленый и умный ребенок. Любые дисциплины схватывались им на лету. Но даже прекрасная успеваемость по всем школьным предметам не помогла ему обрести друзей среди одноклассников. Жизнь так и продолжала течь в привычном для него русле одиночества. Но скромному и тихому Димке такое положение вещей было по вкусу. Он-то знал, что каждый в итоге получит то, что заслуживает.

Наверное, каждый в детстве свято уверен в своей исключительности, особом предназначении для этого мира, совершенно не задумываясь о том, что таких людей, как он, – миллионы, и грезит о том, что пройдёт светлый путь, безоши-

бочно разделяя «хорошо» и «плохо», принимая решения и делая выбор самостоятельно.

Димка жил ожиданием прекрасного будущего, стараясь абстрагироваться от кошмарной реальности. Мать пила по-чёрному. Почти каждый день, приходя со школы, Димка заставал её в компании пьяных людей, преимущественно мужчин. Почти каждую ночь были драки, громкая музыка и оргии. Чтобы сын не мешал, мать привязывала его к кровати веревками или просто избивала ремнём до тех пор, пока у Димки от крика не срывался голос...

Тогда он ещё верил в Бога. Вернее, он хотел верить в то, что Бог и правда существует. Жизнь пугала его своей бессмысленностью. Он страстно желал найти объяснение всему, что его окружало. Мысль о существовании высших сил казалась ему здоровой. Кто-то ведь должен нести ответственность за то, что происходит. Кто-то должен знать, зачем всё это, и почему жизнь отдельно взятого человека была устроена именно так, а не иначе.

Димка, повзрослев, не любил вспоминать своё детство, а уж тем более, рассказывать о нём кому-то. О бессонных ночах в подъезде, о постоянном голоде, об унижениях и издевательствах. Всё это было только его и никак не касалось других. Он вообще был довольно замкнутым и плохо сходился с людьми. Общение с другими людьми успешно заменяли книги и тяжёлый рок.

Дмитрий считал свою внешность некрасивой. Он был вы-

соким, выше большинства своих одноклассников, и очень стеснялся этого, поэтому постоянно сутулился, выгибая спину дугой. Черты его лица были тонкие и резкие, а кожа настолько бледной, что он был похож, скорее, не на человека, а на ходячего мертвеца.

Он давно уже смирился с тем фактом, что окружающие его недолюбливают. Он даже знал причину этому. Он просто не был на них похож. Был другим. При этом он не пытался как-то подчеркнуть свою неординарность, чтобы обратить на себя внимание.

Когда он встретил Её?.. Это был последний класс перед выпуском. Однажды классная руководительница завела в класс перед уроком девушку и попросила её представиться.

– Ирина.

Весь класс без стеснения придиричиво разглядывал новенькую.

– Ничего особенного, – услышал Димка от пацанов на следующей перемене, – как все...

Но он увидел совсем другое: смешной ёжик коротких тёмных волос и огромные зелёные глаза. Иринка была чуть полновата, но ей это ничуть не мешало.

В первый же день завязалась дружба, когда выяснилось, что живёт она в соседней пятиэтажке.

В тот день, 22 января 1999 года в жизни Димки появился смысл. На целых двенадцать лет.

К концу учебного года мать привела в квартиру мужчи-

ну, который тут же ринулся заменять Димке отсутствующего отца. Димка не возражал. С появлением Андрея жить стало намного легче, в доме стали появляться деньги, да и мать временно бросила пить. Своего настоящего отца Димка никогда не знал, поэтому мужская компания в квартире его порадовала. Андрей был очень лёгким на подъём, всегда в движении; застой в жизни Димки и его матери закончился с его появлением. Этот человек постоянно придумывал что-то новенькое: походы в кафе, на рыбалку, вечерние игры в шашки или лото. Сам Андрей был неказистым низкорослым мужчиной лет сорока пяти с огромной лысиной и большим пивным пузом, Димка даже задавался вопросом, где же мать вообще такого откопала, но вслух не спрашивал. Андрей ему нравился, тот не лез к Димке в душу, не учил жизни, а его назойливость и гиперопека скорее забавляли, чем раздражали.

Андрей очень многое сделал для него, например, купил с рук добротную акустическую гитару и не жалел времени, чтобы сидеть с Димкой каждый вечер по часу, помогая ему осваивать базовые аккорды. Но самым дорогим подарком от Андрея, безусловно, был мотоцикл. Старенькая ржавая «Ява», купленная так же по объявлению за копейки, в руках Андрея превратилась в добротный исправный аппарат. Собственно, от самой «Явы» там не осталось практически ничего, кроме вилки и бензобака. Димка был счастлив. Он без особого труда освоил вождение, а уже через год успешно выучился в автошколе и сдал экзамен на права с первого раза.

Отчим стал первым человеком, кому Димка озвучил свою мечту стать врачом. Андрей тут же взял её выполнение в свои руки. Правда, узнав, каким именно врачом хочет стать Димка, спросил:

– Уверен?

Димка ответил:

– Да.

Отчим просто кивнул в ответ и больше никогда не пытался расспросами по поводу такого странного выбора. Димка был ему за это благодарен.

Димка всегда знал, что будет только детским онкологом. В его окружении было не так уж мало людей, столкнувшихся с неизлечимой стадией рака. Когда-то давно он прочитал, что все болезни – от негатива. Когда гниёт душа, тело кровоточит. Димка не очень поверил той статье, ему хотелось помочь больным людям.

Особенно ему было жалко детей. Когда Димка был ещё маленьким, во двор из соседнего подъезда выводили гулять маленькую, худенькую и абсолютно лысую девочку. На Димкин вопрос: «Что с ней такое?», мать просто отрезала: «Рак». Между тем девочка с каждым разом выглядела всё хуже и хуже, потом перестала ходить вовсе, и её мать выносила её во двор на руках, как младенца.

Димка с трудом понимал происходящее. Рак представлялся ему огромным невидимым членистоногим, вонзающим свои чудовищные клешни в тело девочки, забирая тем са-

мым её жизнь. Повзрослев, он понял, что не так уж был и неправ...

Он был лучшим студентом на потоке. Светлое будущее, маячившее где-то вдалеке, начинало приближаться. Рядом была Иринка. Когда пришло время знакомить её с родителями, Димка выбрал время, когда матери не было дома. Андрей был очень рад познакомиться с избранницей Дмитрия и даже приготовил нехитрый ужин, пожарив в сковороде мясо и нарезав овощей, не забыв прикупить по такому случаю бутылочку сухого красного вина, как он выразился, «для молодых».

– У тебя такой хороший отец, – сказала потом Иринка.

– Это точно, – ответил Димка. – Хоть и не родной. Жаль, что с матерью не повезло точно так же.

Иринка промолчала. У неё родителей не было, мать бросила её на свою тётку, когда ей был год. Двоюродную бабушку Иринки звали Аделина, но та называла её «бабушка Ада», что всегда немного веселило Димку. Бабушка Ада, надо же. А как гордо звучит!

Бабка была уже довольно дряхлой, плохо передвигалась по квартире, но в целом была неплохой женщиной, если не считать её ворчливость. Димка ей не понравился при знакомстве. Нищеврод, но строит из себя умника, – вот что она сказала потом Иринке, когда Димка ушёл.

Тем не менее, они правда были счастливы вдвоём. Временами было очень трудно, но они оба знали, чего хотят от

этой жизни, а потому просто шли вперёд, надеясь на лучшее. Димка сделал предложение Иринке ещё на третьем курсе своего обучения в мединституте. Свадьбы не было, через месяц после подачи заявления они по-тихому расписались, пригласив вечером на праздничный ужин только самых близких людей. С жильём им повезло, – у Иринки была своя однушка, доставшаяся от какой-то родни по отцу. Там молодожёны и зажили. Иринка, к тому времени выучившаяся на парикмахера, работала в салоне красоты неподалёку, а Дмитрий немного зарабатывал написанием рефератов, эссе, курсовых и даже дипломов однокурсникам, плюс помогал Андрей, отчим.

Машка родилась, когда интернатура подходила к концу, а за плечами уже было шесть лет института. Имя дочери они с Иринкой придумали заранее. Выбирали простое, душевное. Мария Дмитриевна. Машенька.

Машенька. Темноволосая, зеленоглазая девочка.

Глава 4. Пустота

Медуллобластома. Самая распространённая злокачественная опухоль головного мозга у детей. Причины её развития неизвестны. Медуллобластома коварна тем, что распознать её сразу практически невозможно. И, пожалуй, её главная особенность – очень быстрое распространение метастазов; раковые клетки просто пожирают внутренние органы и системы организма.

«Прогноз выживания с таким диагнозом зависит от успешности лечения и стадии, на которой лечение было начато».

Когда Машка впервые пожаловалась на головную боль?.. Когда неустойчивость её походки они с Иринкой перестали списывать на возраст? Когда обратили внимание на то, что приступы рвоты повторяются всё чаще и чаще?.. У Машки был слабый желудок, это правда. Дмитрий лично водил дочь к гастроэнтерологам, где ей разработали сбалансированную диету. Иногда случалось, что Машку рвало.

Каждому человеку хочется думать, что болезни, смерти, боль никогда не коснутся его и его семьи. Это где-то там, у других, подтверждаются страшные диагнозы, умирают дети.

Дмитрий думал так же. Приходя с работы домой, к своим девочкам, он чувствовал себя счастливым. В безопасности. Дома не может быть плохо или страшно. Он не мог даже во-

образить себе, что боль, мучения и смерть когда-то смогут пробраться в его надёжную, как он считал, крепость. Болезнь дочери коварно прокралась в их счастливую семью, охватила их своими страшными щупальцами, сжала так, что не продохнуть.

Каждый, кто узнавал о страшном диагнозе дочери, обязательно упоминал его профессию. Дмитрия это жутко бесило. Как будто дети машинистов не попадают под поезд, а дети спасателей застрахованы от пожаров и наводнений!.. Он и сам понимал всю иронию происходящего. Спрашивал себя, было бы ему легче, если бы Машка умерла по другой причине, например, от несчастного случая, да как угодно, лишь бы не ТАК? Он часто об этом думал. Его профессия словно наложила на него какую-то часть ответственности за смерть дочери. Если бы Димка был каким-нибудь менеджером по продажам или сантехником, то есть любым другим далёким от медицины человеком, ему было бы проще принять даже сам факт болезни, а другим людям не пришло бы и в голову тыкать в него пальцем. Нет, конечно, напрямую его никто не обвинял, наоборот, ему активно сочувствовали и даже предлагали помощь. Но Димка не был дураком и прекрасно видел в глазах сопереживающих порицание, плохо скрытое презрение. Что-то вроде: «Ну-ну, доктор, называется...» Каждый раз ему приходилось оправдываться перед этими людьми, что-то лепетать про коварство болезни, её быстрое течение и малые шансы диагностирования на ранней стадии, сыпать

терминами. И каждый раз он ненавидел себя за это, но старался сдерживаться, понимая, что конфликты ему в такое непростое время совсем не нужны.

Лишь один раз он вышел из себя. Где-то за пару недель до смерти дочери он возвращался с работы и по пути зашёл в табачный магазин, располагавшийся недалеко от дома. Продавец был ему хорошо знаком, то был неплохой парень по имени Макс, работавший в этой лавке последние лет восемь. Макс хорошо относился к Дмитрию, всегда откладывал для него его любимые сигареты, передавал приветы семье, и даже рассказывал последние нашумевшие новости на районе, выходя с Димкой на улицу покурить возле урны у входа в магазинчик.

Наверное, всё началось с того, что Максуду вздумалось пожуричь Димку за чрезмерное пристрастие к никотину в последнее время.

– Опять два блока? Слушай, Демон, ты б завязывал...

Димка молча складывал пачки сигарет в свой зелёный рюкзак.

– Я понимаю, что у тебя там всё плохо, ну, дочь, все дела... Я как бы ничего не говорю, ты сам врач, ты лучше меня понимаешь в этом...

Димка ударил. Он сам не успел сообразить, как это произошло. Он просто сжал правую ладонь в кулак и ударил Макса по лицу через прилавок. После этого развернулся и вышел из магазина, не обращая внимания на доносившиеся

до его ушей крики продавца. Больше он никогда не заходил в эту лавку. Ему было стыдно.

В те непростые дни Димка жил, задыхаясь. Когда дочь легла в больницу на лечение, он понял, что их семье пришёл конец. Иринка отдалялась от него всё дальше и дальше с каждым днём. Она перестала смотреть ему в глаза. Избегала. Не пыталась скрыть своё отвращение при случайных прикосновениях. Иринка вела себя так, словно они были чужими друг другу. Страшный диагноз дочери поставил точку на их семье. Всё, что их связывало теперь, так это обсуждение течения болезни Машки, результатов её анализов, и предстоящих процедур химиотерапии. И всё. Димка не знал, как разрушить эту каменную стену между ними, как достучаться до ледяного сердца жены.

Негласно при дочери они держались непринужденно, обнимались, подшучивали друг над другом. Димку буквально сводил с ума этот театр, но он был рад хотя бы так, ненадолго, почувствовать себя частью их некогда счастливой семьи.

Когда Дмитрий и Иринка возвращались домой, в пустую квартиру, они переставали существовать друг для друга. Они становились словно двумя волками-одиночками. Каждый из них как мог переживал случившееся горе, срываясь на вой, царапая стены тесной клетки, задыхаясь от боли.

Иринка порою вела себя так неадекватно, что Дмитрию становилось страшно за неё. Она могла затеять яблочный пирог, весёлым голосом зазывая Машку ей помочь, чтобы

успеть до прихода папы. Могла тщательно проутюжить лучшее платье дочери, приговаривая при этом, что Машуля должна быть самой красивой на завтрашнем утреннике в саду.

Но чаще Иринка сидела на стуле в центре Машкиной комнаты и смотрела на стену, на дочкины рисунки. И улыбалась. Димка подглядывал за ней в приоткрытую дверь, и его сковывал ужас от взгляда на улыбающуюся жену. Но он знал, что в комнату входить нельзя. Ни в коем случае.

«– Ирин...

Она не слышала. Она смотрела на стену напротив, увешанную рисунками.

– Ирин, хватит. – Димка рывком повернул её голову к себе, и, глядя ей прямо в глаза, произнёс:

– Всё будет хорошо.

Она посмотрела на него удивлённым взглядом, будто не узнавая. Потом засмеялась:

– Димка, ты чего? Всё и так хорошо...

Димка погладил её по голове. Взял за руки. Она снова улыбнулась:

– Дим, что с тобой?

Она потрепала его по щеке, и, спохватившись, добавила:

– Уже шесть! Дим, давай за Машкой в садик.

Димка опустил голову. Он был не в состоянии смотреть в её жизнерадостные глаза.

– Иринка, родная, Машуля в больнице, помнишь?.. Она

умирает. Наша дочь уже почти мертва, ты понимаешь?! – Димка сорвался на крик.

Сначала Ирина просто сидела молча, на её губах всё ещё играла идиотская улыбка. Потом она заплакала навзрыд, обхватив свои плечи. Димка попытался её обнять, но в ту же секунду получил пощёчину. Иринка вскочила со стула и начала иступленно бить его ладонями по голове, рукам.

– Это ты! Ты!!! Я ненавижу тебя, тварь! Ты её убил, ты!!!»

Каждый страдает в одиночку. Неважно, какая трагедия коснулась твоей семьи. Никто и никогда не переживает беду вместе, сообща. Каждый человек всегда один со своим горем. То, что, по идее, должно объединять родных людей, делает их чужими друг другу.

Иринка чувствовала себя виноватой в происходящем, поэтому решила переложить часть бремени на мужа. Димка прекрасно это понимал. Он был согласен быть виноватым во всём, только бы ей стало легче, только бы ушли навсегда эти её помутнения рассудка, только бы она справилась со своей болью.

Машка умирала, умирала медленно. Димка часто думал о том, как всё-таки повезло тем родителям, что теряют детей внезапно, например, в аварии, или, может, вследствие несчастного случая на детской площадке. Димка читал про такие случаи в газетах. «Ребёнок погиб в результате внезапного обрыва качели! Обезумевшие от горя родители...» Димка завидовал им. Как же это здорово потерять дитя в од-

ночасье, выплакать положенное количество слёз на маленькой могилке, потихоньку пытаюсь смириться и жить дальше. Никаких бессонных ночей, щемящего чувства вины и ощущения собственного бессилия.

Димка стыдился своих мыслей. Он прекрасно понимал, что это эгоизм чистой воды.

В большинстве случаев страдания родителей не имеют ничего общего с любовью к их больным детям. Димка видел это почти каждый день на работе. Они воспринимали происходящее как несправедливость Божью, как наказание, как испытание, проецируя болезни и боль своих детей на себя. Они все хотели в первую очередь обрести собственное душевное равновесие. Поэтому лучших выходов всегда два: либо быстрая смерть, либо гарантированное выздоровление.

Семье Дмитрия просто не повезло. Дочь умирала, не имея ни единого шанса на жизнь. И если Димка хотя бы попытался принять этот факт, то Иринка не смогла.

Глава 5. Смерть

Машка умирала дома.

Как-то сразу в их квартире стали негласно запрещены белый цвет, тишина и грустные лица. Машкина комната утопала в цветах и воздушных шариках. Горели свечи. Димка не мог отделаться от мысли, что комната напоминает склеп.

«– Пап, расскажи сказку.

– Однажды в одном маленьком-маленьком королевстве жила Принцесса. Она была очень красивой, умной и доброй девочкой. Родители очень любили её.

– Пап, а как её звали?

– Так же, как тебя. Принцесса Мария Прекрасная. Однажды она захворала и слегла. Много дней и ночей лучшие лекари королевства пытались вылечить её. Король приказал отдать все свои сокровища тому, кто сможет помочь Принцессе...

– Все-все сокровища?

– Конечно. Никакие сокровища не заменили бы ему его любимую дочь. Принцесса была самой жизнью для Короля. Он так переживал за Принцессу, что и сам заболел. Целыми днями он лежал на королевском ложе и ждал хороших вестей от придворных врачей. Принцессе становилось всё хуже и хуже. Королева-мать выплакала все слёзы. Но однажды ночью Король увидел дивный сон, будто он гулял по

цветущему летнему саду, в котором было море цветов. Там были и тюльпаны, и розы, и пионы, и хризантемы, и много-много других. В своём сне Король чувствовал себя прекрасно, хворь отступила. Он вдруг подумал о том, что было бы здорово порадовать свою дочь этими красивыми цветами. Но лишь только он протянул руку к ближайшему цветку, как откуда ни возьмись появился огромный Волк с белоснежной шерстью и изумрудными глазами...

– Откуда он взялся, пап?

– Он просто вышел из-за розового куста. Его белая шерсть была вздыблена, морда оскалена. «Зачем ты забрёл в мой сад, человек?» – спросил Волк. «Я не знал, что это твой сад.» – ответил Король. – «Прости меня. Я хотел нарвать цветов своей дочери, которая очень сильно больна. Я надеялся, что букет из свежих цветов может её порадовать.» «Я прощаю тебя.» – сказал Волк. – «Но я хочу тебя предостеречь. Эти цветы могут подарить жизнь, но могут и отнять её. Чтобы сорвать хоть один цветок, нужно иметь самые светлые помыслы. Если в твоём сердце недостаточно любви, цветы отберут жизнь у того, кому ты их подаришь.»

– И что сделал Король?

– Он нарвал целый букет красивейших цветов... и сразу проснулся.

– Значит, это был просто сон?

– Нет, в том-то всё и дело. Когда Король проснулся, в его руках был зажат букет благоухающих роз.

– А почему он сорвал только розы?

– Потому что его маленькая дочь-Принцесса их очень сильно любила, как и его Королева.

– Как мама?

– Как мама. Король тут же помчался в спальню Принцессы и возложил розы на мягкие подушки рядом с её головой. Принцесса была слаба. Она с трудом повернула голову на бок, посмотрела на цветы и прошептала: «Спасибо. Они такие красивые...»

– И умерла?

– Нет, конечно. Принцесса вдохнула аромат, исходивший от букета, и на её лице заиграл румянец. Через пару минут она вскочила с постели...

– Пап, а разве так бывает?

– Бывает, если и правда любишь кого-то, если готов отдать всё ради другого. Король вылечил Принцессу силой своей любви. Иначе и не могло быть, ведь она была его единственной дочерью и его самым любимым человечком на Земле.

– Король любил Принцессу больше, чем ты меня?

– Гораздо меньше, моя родная.

– А ты тоже нарвёшь для меня цветов из того сада?

– Сегодня ночью я обязательно постараюсь туда попасть, если ты пообещаешь заснуть».

От химиотерапии Машке не становилось лучше. Чаще она просто лежала в кровати, бледная и исхудавшая. Когда она пыталась встать, её быстро одолевали усталость и тошнота.

Её постоянно рвало, поэтому она стала отказываться от еды. Но самым страшным среди всего этого были приступы головной боли. Машка кричала охрипшим голосом, обхватывая свою голову высохшими тонкими ручонками. Каждый раз Димка думал, что всё, он больше не сможет это вынести.

«Где он, ваш Бог, мать вашу?! Зачем Он это делает?»

Димку убивало собственное бессилие. Его единственная дочь истошно кричала от дикой боли, а он не мог ничего с этим сделать. Дети должны умирать без мучений. Вот так, просто. Пусть его дочь не проснётся однажды утром. Хватит боли.

Эвтаназия. Почему, почему в этой чёртовой стране не разрешена эвтаназия?

«Ну-ну, заливай. Сам-то смог бы ввести дочери смертельный раствор в вену?..»

Смог бы. Димка гнал от себя эти мысли, но он точно знал, – смог бы. Да, после этого он бы чувствовал себя убийцей, палачом, но, тем не менее, – смог бы.

Каждый раз Димка купировал приступы, ложился к Машке в кровать, обнимал её и говорил, говорил о чём угодно. Рассказывал сказки, строил планы на завтрашний день... Когда дочка засыпала, он уходил на кухню и плакал, жадно затягиваясь сигаретой. Бывало, что он так и сидел там до самого утра.

Машка умерла во вторник девятнадцатого апреля утром. В тот день Димка проснулся рано, заглянул в её комнату,

убедился, что она ещё спит, и отправился на кухню делать себе кофе. На часах было полседьмого утра. Иринка спала как убитая. Впоследствии она так и не смогла простить себя за то, что Машуля умерла в одиночестве. Димка, напротив, считал, что это было к лучшему. Он не мог представить себе, как бы они с Иринкой пережили момент смерти дочери...

В то утро, выпив кофе, Димка сделал Машке молочный коктейль. Раньше это лакомство было доступно дочери только по особым дням. Но с тех пор, как Машка слегла, Дмитрий уже не был в силах хоть в чём-то ей отказать. Каждое утро он включал блендер и взбивал в большой алюминиевой кружке брикет пломбира и маленькую пачку сока (конечно же, персикового), потом переливал получившуюся массу в стакан, погружал в него трубочку и нёс Машке «завтрак Её Величества», как он всегда шутил, прямо к постели.

Но в тот вторник Димка так и не смог разбудить дочь. Она лежала в той же самой позе, что и полтора часа назад.

Димка не сразу позвал Иринку. Немного постоял рядом с Машкой, поглаживая рукой её волосы.

«Ну вот и всё...»

...Следующие несколько дней прошли, как в кошмарном сне. Иринка плакала, лёжа на Машкиной кровати, обнимая мягкие игрушки. Дмитрий пил «по-чёрному» первые два дня, сидя на подоконнике в кухне. Похоронами занимался Андрей. Дмитрий снял все деньги со своей карты, отдал их отчиму и попросил только одного: ничего не жалеть для

Машки, пусть в свой последний путь она отправится красивой и нарядной, в уютном мягком гробике, обитом роскошным красным бархатом и обрамлённом милыми рюшками кремового цвета. Только платье Дмитрий купил сам. Машка мечтала стать Принцессой, в её комнате было целое море кукол в пышных платьях и кипа детских сказок с яркими иллюстрациями. Она знала по именам всех принцесс, часто их рисовала, поэтому Димка ещё до её смерти знал, какое платье ей точно понравилось бы. Достаточно было взглянуть на стену, завешанную Машкиными рисунками. Он выбрал кремовое платье, с несколькими юбками, с атласной белой лентой на поясе.

Когда Машулю привезли домой, её было не узнать. Как будто не было этих изматывающих месяцев. Она лежала в гробу необычайно красивой, с ровным цветом лица, чуть розоватыми губками и роскошными локонами до плеч. Тана-токосметолог знал своё дело, – после смерти дочь выглядела гораздо лучше, чем при жизни.

По квартире сновали люди, кто-то трепал Димку по плечу, обрывками долетали чьи-то соболезнования. Иринка бесновалась, транквилизаторы её не брали. Димка молчал, застыв, как вкопанный у гроба, иногда выходя на кухню покурить.

На кладбище пришло очень много людей: друзья, коллеги, соседи.

Кладбище – не просто место скорби. Даже забредя сюда просто так, ощущаешь комок в горле. Совершенно беспри-

чинно. Здесь, на кладбище, вместо воздуха вакуум, а вместо мыслей – пустота. Казалось бы, ты не один, на тебя смотрят сотни глаз с надгробий, но именно здесь, как нигде и никогда, испытываешь чувство полного одиночества.

Дмитрий думал о том, что сам ритуал похорон – это не более, чем издевательство. Никому не нужные слова соболезнования, торжественный спуск гроба в могилу и медленное засыпание его землёй. Отчим с соседкой держали плачущую Иринку под руки, Димка просто стоял, сжав кулаки, и наблюдал, как грязные комья земли с грохотом падают на красный бархат, пачкая красивые оборки.

Именно на кладбище понимаешь, что в жизни нет никакого смысла, что после твоей смерти тебя так же бросят в вырытую яму и закопают, как собаку. «Все там будем», так говорят? Там – это где? Существует ли вообще этот долбаный ТАМ? Дмитрий поднял голову и посмотрел на небо, едва пошевелив при этом губами. Со стороны казалось, что он молится...

Димка понимал, что он должен, во что бы то ни стало, держаться, не позволять себе сломаться. У него осталась Иринка, и ей нужна была помощь. После похорон она так и не смогла прийти в себя. Димке было страшно оставлять её одну, когда он уходил на работу. Он просил всех, кто только сможет, просто приходить и проверять её.

От врача она наотрез отказалась. Твердила, что она в порядке, что ей просто нужно время. Каждый день, уходя из

дома, Димка прижимал её к себе как можно крепче. Ему казалось, что они стали ближе друг к другу после смерти дочери.

Он был уверен, что они справятся.

Глава 6. Одиночество

Дмитрий помнил ту звенящую тишину в квартире. Едва он переступил порог, то сразу почувствовал, – что-то не так.

«Тишина бывает разной. Тишина может быть безмолвной, печальной, шепчущей. Она может обволакивать, или, наоборот, ставить барьеры. А может кричать и бить наотмашь. Вот так, с ходу. Ты не успеешь даже сообразить, что происходит, а тишина как гильотина обрушивается на тебя кипящим дождём, отнимая у тебя всё, чем ты жил...

Слушай тишину. Кроме неё, у тебя ничего больше нет».

В квартире было всё, как всегда. Как обычно, в прихожей горел свет. Из кухни тянуло сигаретным дымом. Так же небрежно была раскидана обувь по полу.

Но только взглянув на запертую дверь ванной, Димка всё понял. Не снимая обуви, рванул по коридору, уже по пути группируясь для броска. Задвижка изнутри была достаточно крепкой, но ему удалось сломать её за пару ударов.

Там, в ванне, лежала она, уронив голову на грудь, из-за чего её нос почти касался воды. Тёмно-красной, практически бурой воды. Дмитрий опустился на колени рядом с ванной. Ему хватило одного взгляда на Иринку, чтобы понять, что она мертва уже несколько часов. Димка нащупал в холодной воде её руку с изрезанным запястьем, обхватил ладонью её пальцы. Прижался лбом к её виску.

«Иногда тишина вроде как ставит точку, словно говоря: «Хватит с тебя, недоумок». И больше незачем что-то говорить, делать. Даже жизненные процессы организма словно замедляются, и ты перестаёшь слышать стук собственного сердца, шепот дыхания. Такая тишина останавливает время».

...Дверь взломали на третьи сутки, когда Дмитрий был уже в полуобморочном состоянии от истощения. Он будто сквозь пелену видел обеспокоенные лица людей, заполонивших просторную ванную. Он слышал голос отчима, тот что-то быстро говорил и пытался его поднять. Общими усилиями Димку выволокли из ванной и положили на диванчик в прихожей. Кто-то звонил в «03». Как из глубокого колодца доносился шум шагов, крики, вздохи. Дальше – тьма.

Он пропустил похороны. Впоследствии он много раз корил себя за это, но всё же понимал, – это к лучшему. Похороны дочери чуть не убили его, но он заставил себя держаться ради жены. А теперь он за себя не ручался. Он остался один, в пустой квартире, где ещё недавно слышался смех его любимых девочек, в квартире, где теперь хотелось выть волком и грызть стены.

На работе он взял отпуск за свой счёт, на целый месяц. Димка хотел побыть один, хотя окружающие никак не могли оставить его в покое. Кто придумал нелепость о том, что убитого горем человека нельзя надолго оставлять в одиночестве?! Что за бред? Димка прекрасно понимал, что никого

не интересуется, что творится у него в душе. Все эти показательные соболезнования и театральные вздохи по поводу несправедливости жизни его раздражали. Ему это было не нужно.

«Оставьте меня в покое, чёрт вас возьми!!! Ведь вам плевать на меня, вся моя долбанная жизнь – это для вас лишь повод поточить лясы у себя дома на кухне. Хватит лицемерить, пуская слезу. Я же знаю, что вам плевать на всё, что не касается ваших задниц. «Поддержка»? Я могу вам сказать, куда вы можете её засунуть».

Он пытался пить, но алкоголь не помогал, а делал всё только хуже. Жалость к себе накрывала волной, Димка бил кулаками в стены, крушил мебель. Это не приносило облегчения, но громкий шум отвлекал от мыслей. И воспоминаний.

«– Паап, смотри, как я могу! – маленькая темноволосая девочка лежала в огромной луже, раскинув в стороны руки и размахивая им, как птица. – Папа, правда, я бабочка?..

– Ты самая красивая бабочка в мире, – засмеялся Дмитрий, подумав про себя, что Иринка их обоих точно убьёт за испачканный Машкин комбинезон».

Кто-то из соседей сказал ему при встрече:

– Ну как так-то? Так нельзя. О матери не подумал...

Не подумал. Не подумал... Дмитрий вообще был не в состоянии о чём-либо думать. Боль заполнила его изнутри, расплавив все его мысли.

К матери он пришел сразу же после больницы, когда

Иринку уже похоронили. Искал утешения. Тёплых слов. Он долго жал на кнопку дверного звонка. Когда мать открыла наконец дверь, в её глазах явственно читалось раздражение. Она даже не пыталась его скрыть.

– Мне некогда сейчас, – сказала она.

– Мама, – Димка задохнулся, споткнувшись на этом непривычном слове.

Он смотрел на эту женщину, пытаясь разглядеть в мертво-холодных глазах хотя бы каплю той любви, о которой он так мечтал с детства. Ведь не может быть так, чтобы самый родной человек отвернулся от него в такую минуту. Но там не было ничего. Мать смотрела на него пустыми, безразличными глазами.

– Мама...

«За что, чёртова сука?! Почему я за свою жизнь не удостоился ни одного доброго слова от тебя? В чём я виноват? Почему сейчас, когда рушится моя жизнь, когда я не знаю, зачем мне жить дальше, ты не можешь даже притвориться любящей матерью? Ну, пожалуйста...»

Молча повернувшись к ней спиной, Дмитрий стал спускаться по ступенькам лестницы. Услышав, как за ним захлопнулась дверь, он с трудом преодолел желание рвануть назад, выбить её ногами, ворваться в квартиру и высказать матери всё, что что у него накопилось. Чтобы она поняла, какая она никчёмная тварь. Конечно, Димка осознавал, что это пустая затея. Она не поймёт. Она никогда не понимала,

как нужна ему. Особенно сейчас.

Димка решил, что отныне он будет жить назло.

Глава 7. Затмение

Дмитрию безумно нравилось по вечерам колесить по стремительно пустеющим улицам города. Когда опускались сумерки, ему казалось, что даже дышать становится легче.

Иринка раньше очень боялась мотоциклов. Говорила, что чувствует затаившуюся в них опасность. Иногда Димке приходилось пару часов уговаривать её сесть сзади него на пассажирское место, чтобы вместе с ней прокатиться в магазин на другом конце города. Иринка смешно взвизгивала на каждом крутом повороте, едва ли не прокалывая насквозь своими ногтями Димкину кожаную куртку. Она настаивала на приобретении автомобиля, отмечая, что это более безопасно, практично и даже солидно. Димка же привык к своему старенькому, но ещё вполне надёжному «коню», и не особенно стремился пересесть на что-то другое.

После похорон Иринки Дмитрий и вовсе перестал смотреть на спидометр. Каждый вечер, выезжая с придомовой территории, он словно растворялся в дороге.

«— А что, если никакого Бога не существует? Если перед лицом Вседержителя все равны, то почему Его любовь распределена на всех так неравномерно? — Димка вопросительно посмотрел на Андрея.

— Не забивай себе голову этим дерьмом, парень — весело подмигнул тот.

– Не могу об этом не думать, – покачал головой Димка.

– Там, наверху, навряд ли кто-то хоть раз подумал о тебе.

Отчим ушёл на работу, на прощание ободряюще потрепав Дмитрия по плечу».

Сегодня он в последний раз сел за руль своего мотоцикла. Ведь произошло то, во что он никак не мог поверить. То, что показалось ему чудом.

В этот вечер Димка, как обычно, разогнался не на шутку. Семьдесят пять километров в час. Быстрая езда позволяла отвлечься от мыслей. Мотоцикл требовал внимания и сосредоточенности, поэтому Димка научился во время пути забывать обо всех своих проблемах.

О дочери.

«– Папа, я правда умру?»

Димка всё сильнее жал на газ, увеличивая скорость.

Девяносто.

Дмитрий ощущал лёгкость. Впереди себя он видел только узкий коридор дороги. Все объекты по бокам словно перестали существовать, превратившись в неясные смазанные картинки, напоминающие хаотичные мазки кистью на холсте не очень талантливого художника.

Сто десять.

Его охватила эйфория. Мир вокруг него будто отошёл на второй план. Он слышал только биение своего сердца.

Сто двадцать.

Впереди замаячил знак поворота, но Димка не обратил

на него внимания. Он смотрел вперёд стеклянными глазами, полностью отключившись от реальности. Когда перед ним вырос торец пятиэтажки, он выкрутил ручку газа до конца. Мотор мотоцикла взревел, прибавляя всё больше оборотов. Глухая серая стена неумолимо приближалась, но Димка ощущал странное спокойствие и даже облегчение.

Скоро боль уйдёт. Ещё немного, и...

Дмитрий почувствовал сильную вибрацию. Перед его глазами вспыхнул яркий свет, и он зажмурился.

Сквозь чудовищно громкий скрежет металла и хруст его собственных костей он отчётливо услышал голос, зовущий его по имени.

Димка открыл глаза.

Он сидел на мотоцикле, неподвижно стоящим перед грязной серой стеной жилого дома. Прямо на уровне его глаз красовалась надпись, написанная цветными мелками:

«ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА»

Дмитрий дрожащими руками отстегнул под подбородком ремешок шлема и снял его с головы. Надпись явно была сделана детьми, уж очень коряво были выведены буквы. Димка аккуратно слез с мотоцикла. Тот стоял на заботливо выдвинутой подножке.

Произошедшее никак не укладывалось в его голове. Реальность будто изменилась, либо кто-то её изменил, чтобы не дать ему совершить непростительную ошибку. Димка посмотрел вверх в сумеречное небо, словно пытаясь отыскать

там ответ.

– Почему? – спросил он шёпотом.

На небе зажглась звезда.

Димка, убрав подножку, развернул мотоцикл и, повернув ключ в замке зажигания, медленно поехал домой.

Зайдя в квартиру, он швырнул шлем на пол и прямо в ботинках проследовал в зал. Со стены на него смотрели смеющиеся Иринка с дочерью. Он с ногами забрался на диван и заплакал, уткнувшись лицом в колени.

Он не то, чтобы не хотел жить дальше, а просто не знал – как. Ему было некуда деться от этой дикой боли.

Плевать. Плевать на всех.

Димка рывком поднялся с дивана и подошёл к журнальному столику, на котором лежало несколько пачек сигарет.

Раньше он не курил в комнате, но теперь, когда он остался один, ему стало можно всё.

Его взгляд упал на иконы, стоявшие на полке книжного шкафа напротив. Димка, улыбаясь, подошёл к иконе Пресвятой Богородицы и сигаретой выжег на её изображении оба глаза.

Часть 2

Глава 1. Ожидание

Город умирал. Корчился в муках агонии. По дорогам ещё ездили автомобили, изредка сигналив зазевавшимся прохожим; горел, изо всех сил пытаясь не погаснуть, единственный фонарь возле раздолбанного автовокзала. Город ещё не понял, что ему конец. Прогнивший насквозь, он всё ещё пытался держать лицо.

Вадим Клён с тоской разглядывал серые, потухшие здания, по которым лениво расходились трещины. Даже воздух в городе был мёртв. Пахло дикой безнадёжностью и необратимостью времени.

Раньше здесь было вполне сносно. Вадиму было что вспомнить о своём детстве. Тогда, пять лет назад у города была надежда. Люди бежали по тротуарам, залитым солнечным светом, спеша на работу. Истошно визжали дети, гоня по городу на велосипедах и скейтбордах. Из труб единственного завода валил густой чёрный дым. По вечерам зажигались фонари. По вечерам...

У Вадима сжалось сердце.

А может, всё не так? Может, это только его никчёмная жизнь остановилась тогда, пять лет назад?.. И вовсе не город

медленно умирает, а он сам?

Он смотрел на горящий фонарь. Жизнь меняется. У всех. Даже у тех, кто годами скулит о том, что у них всё по-старому. Да, жизнь течёт. Но Вадиму казалось, что его собственная жизнь не тронулась с места после тех событий.

«Что ты сделал? Скажи, скажи... вслух.»

Он не мог. Тысячи раз он проговаривал это мысленно, спорил, каялся, смиренно принимал наказание. Но не вслух.

Ничего не было. Ничего и не могло быть. Они были детьми, неразумными, жестокими детьми. Они не были ни в чем виноваты. Им тогда так и сказали, всем семерым.

Вадим закурил. Сигареты – вовсе не зло. Сигареты могут сотворить чудо, – наполнить жизнь смыслом. Вдыхая дым, чувствуешь, как тепло растекается по венам, мысли становятся лёгкими и невесомыми. И самое главное, изо всех сил хочется жить. Волшебное ощущение. Только благодаря сигаретам Вадим не съехал с катушек.

В последнее время он часто приходил сюда, на автовокзал. Нет, он даже не думал уехать из города. В глубине своей души Вадим знал, что город просто так его не отпустит.

Вадим часто думал о том, почему его оставили в живых, почему не наказали, как остальных. Правда, он затруднялся ответить, кто именно должен был его наказать. Бог?.. Нет. Бог должен был быть полным отморозком, чтобы такое сотворить. Бог не убивает детей, даже если эти дети – монстры. Бог ведь всегда всё прощает, верно? Или нет?..

Вадим не мог отделаться от мысли, что тогда, на перекрёстке, вместе с чувством ужаса испытал необычайное удовлетворение от справедливости произошедшего. Справедливости, мать его.

Одно он понимал совершенно точно – та авария, унёсшая жизни шестерых его друзей, не была случайной. Таких совпадений не бывает.

«А почему не ты? Почему всего шесть трупов вместо семи? Ты ведь знаешь, что виноват больше всех. Так почему же ты до сих пор жив, убийца?..»

Вадим не знал. С того самого дня, когда он по счастливой случайности избежал смерти, его жизнь остановилась, превратившись в грёбаный кошмар.

Его родители были слишком тупы, как и тот психолог, к которому они его привели. Они не понимали, ЧТО произошло. Не было психологической травмы. Не было стресса, шока или другой подобной ерунды.

Просто их всех наказали. Всех, кроме Вадима.

Каждый день он жил и наблюдал, как гаснут фонари. Когда остался последний, Вадиму стало страшно. Он вдруг осознал, что его ожидание заканчивается.

Если фонарь погаснет, его уже ничто не спасёт...

Глава 2. Вина

Это был, пожалуй, один из самых солнечных майских дней. Солнце припекало с самого утра. Вадим неохотно собирался в школу. Была даже мысль пропустить уроки, но Вадим отнёс её с самого начала. Мать ни за что не разрешит, а если он самовольно вздумает прогулять сегодня школу, она обязательно к вечеру об этом узнает, а это чревато. Вадим не был примерным сыном, поэтому мать очень часто его поколачивала, в большинстве случаев – за дело. На дворе стоял май, близился конец учебного года, а Вадим был в списке претендентов остаться на второй год, и это при том, что в седьмом классе он уже был второгодником. Если бы он сегодня пропустил занятия, мать бы с него шкуру спустила, это точно. Поэтому Вадим всё-таки отсидел пять уроков.

Если по-честному, то Вадим чувствовал некое превосходство над одноклассниками. Он был старше, и это делало его вожакom в любых проделках. Ещё в начале учебного года он сколотил что-то вроде банды. Вместе они срывали уроки, курили за школой, мучили кошек и собак, поджигали урны, словом, беспредельничали, как могли в силу своего возраста.

Но самой главной забавой всё же была охота на дурака. О, это стало уже традицией. Вадим в принципе не интересовался, кто этот человек, и откуда он взялся у них в доме. Из подслушанных разговоров матери с её подругами он уловил

немного информации. Вроде бы дурак раньше был обычным человеком, но после каких-то страшных событий вдруг съехал с катушек. Мать Вадима жалела идиота, приговаривая, что жизнь может сломать каждого, что нужно относиться к нему хорошо, что дурак и вовсе не виноват в том, что он дурак. Вадиму было, в принципе, плевать на эти разговоры. Дворовый дурак был забавным, безобидным, а самое главное – он был идеальной жертвой для охоты. Игра заключалась в том, что ребята стайкой гонялись за ним, пытаясь попасть в него камнем или чем-то ещё. Дураку тоже нравилась игра, он даже иногда поддавался и делал вид, что попался, смешно корчил рожи и визгливым голосом кричал каждый раз, когда пацаны пинали его уже лежащего на асфальте.

Иногда Вадим ловил себя на мысли, что всё происходящее неправильно. Но он не мог ударить в грязь лицом перед своей бандой. Ему, как лидеру, не пристало испытывать сочувствие к придурку.

Вот и сегодня, послонявшись вокруг школы с ребятами, Вадим повел их в родной двор. Все шестеро «посвященных» жили в его доме, поэту основным местом для игр была детская площадка у дома, гаражи чуть поодаль и небольшой пустырь прямо за домом.

Дурака они увидели издалека. Тот сидел на лавочке у первого подъезда и глупо ухмылялся, пуская слюни. Это был долговязый мужчина за тридцать, в потрёпанном чёрном трико и красной рубашке с грязными разводами от пота. Ви-

димом, за ним никто толком не ухаживал: волосы и ногти пора было уже давно подстричь. На ногах идиота были стоптанные туфли, настолько рваные, что из их носков торчали пальцы его ног с вросшими ногтями.

А ещё у него были полные ладони шоколадных конфет.

Для Вадима этого было достаточно. Он громко крикнул: – Смотрите, сколько у дурака конфет!..

Остальные ребята тут же ринулись к идиоту, выкрикивая обидные слова. Вадим ударил палкой прямо по рукам душевнобольного, тот взвыл, выронив все конфеты, и кинулся бежать. Началась охота.

Трудно сказать, что заставило их, семерых пацанов, именно в этот раз так не на шутку разойтись. То ли ощущение власти над корчащимся на асфальте дураком, то ли вид крови снёс им головы напрочь... Наверное, они не хотели убивать идиота. Наверное...

Это просто была игра, зашедшая очень далеко.

Вадим плохо помнил впоследствии, зачем он взял тот огромный камень в руки. Больной дурак уже почти не двигался, только перебирал руками и ногами, словно пытаюсь плыть, вокруг него растекалась кровь. Как раз начался дождь, который подхватил эти кровавые потоки и понёс по асфальту, из-за чего зрелище казалось ещё более ужасным. Камень будто сам запросился Вадиму в руки, а потом сам обрушился на голову дурака.

Он сразу даже не понял, что произошло. Когда раздалась

крики жильцов дома, он просто кинулся наутёк, как и все.

Забежав в квартиру, он осторожно прокрался в свою комнату и лёг на кровать, с головой нырнув под плед. Его трясло от страха. Так бывает, что осмысление сделанного приходит позже. Вадима переполняло желание вернуться во двор, убедиться, что дурак жив и невредим. Что он, Вадим, ничего плохого не совершил. Но он так и продолжал лежать. Даже когда мать позвала его ужинать, он притворился спящим.

В ту ночь сон не шёл. Вадим несколько раз засыпал, но каждый раз просыпался в холодном поту. Он видел кошмары.

Утром Вадим осторожно выглянул в окно. Солнечные лучи освещали двор. О вечернем буйстве природы напоминали только раскиданные по всему двору сломанные ветки деревьев, перевернутые лавки у подъездов и кучи мусора. Вадим силился рассмотреть хоть капельку крови на месте вчерашней бойни, но так и не смог. Ливень смыл все следы.

Весь день Вадим поглядывал на мать, ожидая, что та первая начнёт разговор о том, что они с ребятами вчера натворили. Но мать молчала. Вадиму даже показалось, что она сознательно избегает смотреть ему в глаза. Несколько раз во входную дверь стучали, но мать почему-то не открывала дверь. Только когда из-за двери послышалось грозное: «Полиция!», пришлось её всё же открыть.

Вадим в этот момент находился у себя в комнате, превратившись в слух. Прижавшись ухом к двери, он пытался услы-

шать, о чем разговаривают мать и полицейские.

Вадим уже потом узнал от матери, что она соврала полицейским. Она сказала, что Вадим был дома весь вчерашний вечер. Нет, вообще никуда не выходил. Она готова подтвердить. Нет, соседи говорят неправду. Её сын вовсе не малолетний бандит. Он примерный мальчик, который даже мухи не обидит. Учителям не нужно верить, они предвзято относятся.

В целом жизнь дома не изменилась. Всё было по-прежнему.

Это изматывало Вадима. Всё было таким же, как всегда. Кроме одного, – он сошёл с ума. Его мозг не был в силах выдержать мысль, что он убил человека. Неважно, сколько ему было лет, какие мотивы у него были (или не было?..) и что послужило этому причиной.

Он убил.

«– Мам...

– Что?

– А что с тем человеком стало?

– С дураком? Умер он, вроде. Ему и лучше, мучиться не будет. Почему ты спрашиваешь?

– Мам, я же был там, ты знаешь. Маааам...

– Сынок, ты зря так переживаешь. У идиота и так с головой проблемы были. Какого чёрта он вообще свободно ходил по улице? С ним что угодно случиться могло. А ты молчи, понял? Тебя там не было. Мне ещё не хватало разборок с

полицией. Вчера ты был дома, усёк? Я больше не хочу ничего слышать.

Вадим молчал. Полиция больше не приходила. Со своей дворовой компанией он больше не общался, да и они в школе проходили мимо него, опустив головы.

Но начались кошмары. Безнаказанность имеет свои минусы. Ты вроде избежал наказания со стороны социума, но тебе не убежать от себя. Совесть – это постоянная величина, вроде константы.

Вадим ожидал коронации. В главном зале огромного замка начиналось пиршество, а он сидел в небольшой комнате на верхнем этаже, ожидая приглашения.

Открылась дверь, и в комнату вошел Нечеловек. Он был ужасно худым и совсем без одежды. Глаза его были жутко оранжевыми.

– Мой король, – обратился Нечеловек. – Вам следует подготовиться к предстоящему празднику в Вашу честь. Я хочу Вам помочь. Позвольте продемонстрировать Вам наглядно процесс инаугурации.

Худошавый подвёл Вадима к большому коробу, стоявшему у входа в гардеробную, и открыл его. На Вадима устремили взгляд шестеро младенцев. Нечеловек бесцеремонно взял одного из них за ножки и насадил на свой эрегированный член, после чего стал совершать возвратно-поступательные движения. Вадим не успел его остановить.

– Видишь, Высочество? – с придыханием молвил Нечело-

век. – Это просто никчёмное дитя. А ты избран осквернить дитя самого Бога!..

Когда у Вадима совсем отъехала крыша, родители отвели его к психологу.

Глава 3. Расплата

Вадим не знал, почему он в тот день остался дома. Всю последнюю неделю школу лихорадило, – в местный ДК приехал самый настоящий театр! Название спектакля школьники пересказывали друг другу с придыханием. Да что там школа, это было событием для целого города! В их крохотный провинциальный городишко редко заезжали чужаки. В крупных областных центрах людей уже ничем не удивишь, даже маститые звезды шоу бизнеса воспринимаются как нечто обыденное, а здешние дети ни разу в жизни не были в театре или в кино. Когда-то кинотеатр в городе был, рассказывали взрослые, на целых 56 посадочных мест. Потом владельцы вроде бы обанкротились, и кинотеатр закрыли, а затем и все снесли здание. Потому приезд театралов никого в городе не оставил равнодушным.

Школа наняла четыре автобуса для доставки учащихся в центр города, к неказистому Дому Культуры с наполовину обвалившейся вывеской «...ТОК». Мало кто в городе помнил, что там когда-то было написано. Ради спектакля детей даже сняли с уроков. Спектакль и правда был потрясным. По крайней мере, так потом рассказывали Вадиму знакомые ребята.

А потом случилось то, от чего город с трудом отходил ещё пару последующих лет.

На главном перекрёстке города в один из автобусов с детьми врезался грузовик. Говорили, что водитель автобуса начал движение после того, как загорелся зелёный свет светофора, но ему не хватило пару секунд проскочить перед не пойми откуда взявшимся грузовиком, мчащимся на красный справа. Удар пришёлся на заднюю часть автобуса. Одному Богу известно, как автобус вообще не перевернулся. Рассказывали, что его тряхнуло и закрутило знатно.

Останавливались автомобили; выбегающие из них люди устремлялись к автобусу на помощь, уже издали заметив знак «ДЕТИ». Водитель автобуса открыл двери, в протянутые руки людей выпрыгивали перепуганные насмерть дети; оставшиеся в салоне учителя дрожащими руками тормошили уснувших, ощупывали в поисках увечий кричащих.

Из автобуса вышли все. Кроме шестерых. Никакой мистики. Эти шестеро просто оказались в эпицентре удара. Совершенно случайно это ребята жили в одном дворе, поэтому и сучковались в задней части салона автобуса, чтобы весело провести время за дружеской болтовнёй. Никакой мистики. Да, немного странно, что больше не пострадал никто: на двадцать шесть детей и четверых взрослых пришлось по паре царапин и ушибов.

Никто даже не вспомнил, что погибшие дети – те самые.

Вадим прибежал к месту аварии в тот момент, когда из покорёженного автобуса выносили тела. Удивительно, но стояла звенящая тишина, прерываемая только проезжающими

мимо автомобилями и звуками шагов по асфальту. Не было слышно ни плача, ни криков. Целая толпа людей стояла с распахнутыми от ужаса глазами, не в силах поверить в происходящее.

Женщина рядом с Вадимом одними губами выдохнула:

– Господи, за что...

Вадим не сводил глаз с маленькой струйки крови, уже чуть подсохшей на руке, выглядывающей из-под простыни, которой было накрыто одно из мёртвых тел. Вот тогда он и подумал, что так всё и должно быть. Поправочка: виновных семь. И он, Вадим, должен сейчас лежать рядом с остальными, под бурой от разводов тряпкой.

Позже эта мысль переросла в паранойю. Словно вся жизнь Вадима раскололась на «до» и «после». Целые годы ушли на поиски смысла существования. Вадим не ставил перед собой цели, он стучался кулаками в тупик.

Нанятый родителями психолог, в принципе, был неплохим мужиком. Но он всё равно ничего не понял. Каждое слово, сказанное Вадимом не так или не с той интонацией в голосе, превращалось в горы пилюль. Вадим понимал, что родители хотят помочь ему пережить психологическую травму, полученную в результате смерти его друзей. Если бы они знали, что творилось у Вадима в душе на самом деле... Очень скоро Вадиму надоели визиты к психологу и потому он довольно быстро «вышел из депрессии», начал улыбаться, словом, стал вести себя совершенно адекватно. Достаточно

адекватно, чтобы все оставили его в покое.

Вадим сам придумал, как ему жить дальше. Притворяться – беспроектный вариант. Обществу нужно, чтобы ты никому не мешал, не привлекал внимания и не был опасным. Если соблюдаешь эти правила, – всем на тебя плевать. Нужно быть как все. Психологи – это цепные шакалы на службе общества. Их задача – убедить тебя в собственной заурядности и промыть мозги под шаблоном нормальности. Вадим оказался умнее, он всё понял сразу. Он стал обычным. Спрятал мысли ото всех. Но это не мешало ему проходить сквозь круги ада каждый божий день.

Вадим любил пробуждение ото сна по утрам, те самые первые несколько секунд, когда открываешь глаза и видишь знакомые очертания комнатной мебели, когда в голове пусто, лишь проскальзывают мысли о том, каким же будет сегодняшней день. А потом мозг начинал услужливо подкидывать картинки прошлого.

«Ты бросил последний камень?.. Это был ты?..»

Страх начинается с лопаток, ползёт ледяными потоками к шее и смыкается у горла.

Все эти пять долгих лет Вадим всерьёз думал о том, как было бы здорово, если бы в тот злополучный день он всё-таки сел в автобус.

Глава 4. Совесть

Вадим узнал его. Этот человек в нелепом чёрном плаще был тогда во дворе. Пять лет назад. Стоял поодаль и смотрел в небо. Вадим заметил его, когда убегал, просто зацепил взглядом. Рассматривать было некогда.

Человек в плаще тем временем подошёл совсем близко, настолько близко, что Вадим смог рассмотреть цвет его глаз.

Глаза были нестерпимо жёлтого цвета. Вадим хотел встать со скамьи и убежать, но не смог даже пошевелиться. Жёлтые глаза незнакомца словно пригвоздили его к месту. Но самое страшное, что осознал Вадим, – этот человек всё знал. И эта встреча сегодня – не случайность. Вадим нутром ощутил близость скорой расплаты. В мыслях возникли картинки из фильмов, – огненное пекло, проклятые души в котлах...

– Что за чушь, – скривился Желтоглазый, присаживаясь рядом с Вадимом, – выбрось эту мерзость из своей головы.

Вадим смотрел на него во все глаза. Мысли путались. Пытаясь собрать их воедино, он крепко зажмурился.

– Ты знаешь, зачем я здесь.

Это был не вопрос. Слова звучали ровно, как приговор.

– Можешь начинать скулить о том, что ты не виноват.

– Я виноват... – прошептал Вадим.

– В чём ты виноват? Скажи громко.

Вадим заплакал. То, что он пять лет держал в себе, под

замком, требовалось прямо сейчас произнести вслух. Но какая-то часть его понимала, что время пришло. Больше он не выдержит. Поэтому он просто сказал, как есть:

– Я виноват в смерти сумасшедшего человека...

– Вот здесь ошибка. Он не был сумасшедшим.

– Я не знал! Мне было двенадцать. Его все дразнили. И я, как все...

– Как все, – повторил Человек в плаще.

Вадим посмотрел на него с мольбой:

– Я виноват, очень сильно виноват. Я думаю об этом каждый день все эти пять лет! Тот день отравил мою жизнь. Я бы хотел всё исправить, если бы мог, но уже поздно. Я не хотел причинять ему вред, никто из нас этого не хотел. Когда мы увидели кровь на его голове, мы не смогли остановиться, продолжали швырять в него камни, не давая ему встать! Чей-то камень пробил ему голову...

– Это был твой камень. И ты это знаешь. – Человек в чёрном плаще смотрел на Вадима, не испытывая ни капли жалости к нему. В конце концов, жалость – это не его компетенция. Чувство раскаяния придавало лишь ещё больше никчёмности душонке этого мальчишки.

– Знаю. Всегда знал. – Вадим опустил голову. – Мне это часто снится. Но во сне только я один и больше никого нет. Понимаете? Я один убиваю. Поднимаю булыжник и кидаю лежащему человеку в голову. А как же остальные?... – тут Вадима пронзила догадка. – Та авария... Это вы, да?

– Не совсем. Просто считай, что это подарок вашему обществу. – Незнакомец посмотрел на часы. – Иногда зла в нем становится так много, что нарушается равновесие. И это нужно исправлять.

Вадим молчал. Его не столько напугали слова человека в чёрном, сколько этот его беглый взгляд на часы. Что означал этот жест? Предчувствие у Вадима было плохое.

Внезапно уличный фонарь яростно замигал, а потом и вообще заискрил, словно не хотел умирать вот так, без боя. После пары секунд борьбы он погас. Вадим всё понял.

– Я не хочу умирать, – выдохнул он. – Не хочу.

Слома голову он помчался прочь от Желтоглазого человека, мышцы ног не слушались его, ему казалось, что он едва-едва передвигается. Не выдержав, он оглянулся.

Человек в плаще стоял прямо перед ним и улыбался.

В следующую секунду сверху раздался треск. Вадим машинально поднял голову. Последним, что он увидел, был падающий прямо на него рекламный баннер.

Глава 5. Безысходность

Каждое пробуждение было мукой. Анна сходила с ума от зловония, издававшегося со стороны кухни, от полоумных стариков, волею судьбы оказавшихся с ней в одной палате. Уже долгих два года продолжался чёртов день сурка. Утром – завтрак, процедуры. Обед. Послеобеденный отдых. Ужин. Сон.

Анна не была одной из тех, кто утратил разум. Она уже давно поняла, что закончит свою жизнь здесь. Она сама сюда пришла и добровольно осталась. Иных приводили насильно. Это понятно, кому нужны слабоумные старики? Дряхлые, никчемные, которые не в состоянии о себе позаботиться. Анна каждый раз с усмешкой наблюдала, как их дети, быстренько подписав все необходимые бумаги, уезжали, оставив здесь родителей, и больше не возвращались.

Дом престарелых – это место скорби. Здесь живёт сама Смерть, а остальные – просто временные квартиранты.

Старики. Они как дети, только с воспоминаниями о прожитой жизни. Каждый, даже пришедший сюда по собственной воле, неизменно испытывает страх и боль одиночества. Это и есть то самое место, где заканчивается жизнь. Один из плюсов – время. Его здесь даже больше, чем нужно.

Анна завидовала тем, у кого с возрастом расплавились мозги. Для человека, способного сопоставить себя с време-

нем и пространством, это место было вроде пыточной камеры.

Распорядок дня делал здешнюю жизнь монотонной и циклической. Из-за этого терялся счёт дням. Каждый новый день был точной копией предыдущего. Подъём в семь утра, водные процедуры и завтрак. Для тех, кто не мог обслужить себя сам, предполагалось наличие сиделок. Понятно, что их не хватало на всех. Поэтому каждое утро начиналось с ругани и криков.

– Опять обоссалась? Какого чёрта, старая ты сука! Сил моих нет на вас. Ты знаешь, сколько мне платят за всё вот это дерьмо? А за переработки? Я тебе скажу сколько. НИ-ХУ-Я! Открывай рот давай, шире, я сказала...

Анна бесстрастно смотрела, как плачет маленькая, дряхлая женщина, не будучи в силах открыть свой беззубый рот, как её всю трясёт от усталости от этих непосильных для неё движений, как сиделка рывком опускает её нижнюю челюсть и опрокидывает туда содержимое ложки, как еда капает старухе на ночную рубашку и на застиранные простыни.

Анна не винила персонал пансионата в чрезмерной грубости и чёрствости. Ей было даже жаль их. Корень здешних бед был в жадности учредителей этого заведения, которые установили скотские условия труда и мизерные зарплаты для своих работников. Но она была рада, что пока ей хватало сил заботиться о себе самой.

Анна была послушной. Она выполняла требования персо-

нала с первого раза, никогда не спорила, не повышала голос и не требовала к себе внимания.

Анна ни о чём не жалела. В самом деле, жалость к себе – это удел молодых.

Казалось бы, именно старики должны испытывать чувство сожаления о прожитых годах. Это не так. Чем старше человек становится, тем яснее он понимает, что ничего уже нельзя исправить. Как бы он ни старался, ему не суждено прожить ещё одну жизнь. Никому не дано такой возможности. А в пожилом возрасте этого уже и не хочется. Там необходим только покой. Тебя уже не трогают сексуальные страсти, любовные переживания и дружеское общение. Ты просто хочешь тишины, регулярного питания, сухой постели и тёплых радиаторов у своей койки. Всё мирское вроде как отходит на второй план. Ты начинаешь ценить одиночество. Каждую его деталь.

Если разобраться, в одиночестве нет ничего плохого.

В вынужденном – возможно.

В добровольном – нет.

Здесь ключевым моментом выступает время. Когда его предостаточно, ты иначе расставляешь приоритеты.

Здесь, в этих стенах, ты узник собственных мыслей.

«– Мам, а что, поесть совсем нечего?..»

– Посмотри на кухне.

– Я смотрел. Там ничего нет, мам.

– Тогда пойди и найди, тварь! Как же ты мне надоел...»

Воспоминания режут без ножа.

Господи, прости грешную душу.

Иногда Анна ловила себя на мысли, что она непременно попадёт в Рай. Иначе и не могло быть после стольких перенесённых ею страданий.

Эта мысль ей нравилась.

Она представляла огромную толпу, собравшуюся у двери, ведущей в Царствие Небесное. Несметное количество душ пробуют прорваться туда, где обещан покой и бессмертие души, но лишь немногим это удаётся. Открыть дверь подвластно только избранным, тем, кто достоин Божьей милости. Анна в своих мечтах множество раз открывала её.

Мать всегда достойна прощения, какой бы она ни была. Это своего рода догма. Мать, давшая жизнь человеческому существу после долгих месяцев вынашивания его в своей утробе, заслуживает признания, даже если не со стороны своего ребёнка, то со стороны Всевышнего уж точно.

Анна молилась каждый день в надежде, что Бог её услышит. Стоя на коленях перед иконой Пресвятой Богородицы, она сквозь рыдания просила у неё прощения. Анне казалось, что та сможет её понять, ведь Дева Мария тоже была матерью, выплакавшей море слёз за своё дитя.

Старухи из соседней палаты открыто ей сочувствовали. В первое время они пытались разговорить Анну и выведать подробности её жизни, но Анна каждый раз резко пресекала всякие расспросы.

Возможно, её считали немного свихнувшейся. Анне было всё равно. Она знала, что о том, что она натворила, нельзя рассказывать никому.

О её ужасном поступке.

О том, как она виновата перед своим собственным сыном.

О том, как она его убила.

Анна старалась подавить, уничтожить воспоминания о том страшном дне. Даже в своих молитвах она никогда этого не упоминала.

Ничего не было.

Её руки не запачканы кровью.

Она просто думала, что так будет лучше для всех.

Глава 6. Крушение

Анна Вышнева не хотела ребёнка.

Когда тебе семнадцать лет, когда ты молода и недурна собой, когда пьянит ощущение того, что у тебя впереди вся жизнь, дети совершенно не вписываются в планы. Стать матерью в столь юные годы – это слишком рано. Так не должно было случиться.

Анна, ещё будучи школьницей, детально прорисовывала своё будущее. Она всегда знала, что достойна самого лучшего.

Учёба ей не давалась. Не потому, что она была глупой. Ей было просто неинтересно просиживать дни на скучных уроках в школе. Она смотрела на своих родителей и не хотела становиться такой же, как они, – медленно спивающимися никчёмными людьми, всю жизнь горбатовшимися за копейки. Анну всегда веселили их попытки воспитания. Подвыпившая мать в тысячный раз размахивала у Анны перед носом своим дипломом швей-мотористки, а отец вторил ей, в миллионный раз рассказывая про свою блестящую защиту кандидатской по физике. Анна смеялась им в лицо. Нет, они были в принципе людьми неплохими. И, наверное, не виноватыми в том, что их жизнь не удалась. Много лет назад НИИ, в котором работал отец, закрыли, а само здание пошло под снос. В отчаянных попытках найти работу отец

начал выпивать. Позже под сокращение попала мать. В какой-то момент родители как бы выпали из течения жизни, стали не нужными обществу. Анна понимала, что именно по этой причине они так пекутся об её образовании, – не состоявшись сами, они хотели состояться через свою дочь. Но они не учли одного, – Анне это было не интересно.

Она была юна, свежа, красива. Ей, как и большинству её сверстников, казалось, что так будет вечно. Ей хотелось жить, а не прозябать. Хотелось лёгкой, беззаботной жизни, вкусной еды, дорогих вещей. Она чувствовала, что достойна этого. Нет, не так. Она знала, что именно для такой жизни она и была рождена.

Каждый вечер, укладываясь спать, Анна закрывала глаза, и мечты уносили её в другую, идеальную жизнь. Она представляла себе, что живёт в огромном городе, в самом его центре, в шикарно обставленной двухъярусной квартире, в роскоши и комфорте. Она мысленно прорисовывала каждую деталь интерьера. В гостиной обязательно камин из белого камня. Рядом низкий диванчик тёмно-вишнёвого цвета с множеством маленьких мягких подушек. На полу – коврик пепельного цвета. И целое море цветов. На подоконниках, на полу, на лестнице, на журнальных столиках.

Анна с презрением смотрела на своих сверстниц, так глупо разменивающихся на парней из их класса. Те, по её мнению, никак не тянули на сказочных принцев. Они были слишком юны, финансово зависимы от своих родителей и не

отличались умом и красотой. Словом, были совсем не под стать таким девушкам, как Анна. Она с замиранием сердце ждала того, кто будет её достоин. Того, кто подарит ей уверенность в завтрашнем дне.

Он ворвался в жизнь Анны в начале июня, когда в школе начались выпускные экзамены.

Его звали Александр. В переводе с древнегреческого – защитник.

Анна встретила его, когда стояла на автобусной остановке возле школы, а он, проезжая мимо на дорогой иномарке и вовремя не заметив Анну, окатил её грязной водой из лужи.

Впоследствии Анна не раз вспоминала момент их знакомства.

Александр не проехал мимо в тот день. Остановил машину в паре метров от остановки, вышел из неё и галантно извинился перед Анной, после чего предложил ей сесть к нему в автомобиль и поехать к ближайшему магазину одежды, чтобы купить ей новое пальто взамен испорченного.

Анна сразу поняла, что это Он. Тот самый, кого она ждала и о ком мечтала каждый вечер перед сном.

В автомобиле они разговорились. Александр сообщил, что ему тридцать шесть, но Анну эта цифра не смутила. Он совсем не выглядел на свой возраст. Он был красивым, темноволосым молодым мужчиной со спортивным телосложением, одетым в дорогую одежду и пахнущим умопомрачительным парфюмом.

В салоне играла музыка. Что-то из старого русского рока. Александр без конца восхищался красотой Анны, что достаточно быстро вскружило ей голову.

В магазине, когда Анна выбирала себе новое пальто, Александр практически силком подвёл её к ряду с самой дорогой верхней одеждой. Анна выбрала бежевое, строгое, с широким поясом, чуть расклешенное книзу. Александра привёл в восторг её выбор. Вытащив увесистый бумажник, он с лёгкостью выудил оттуда пачку денег, неторопливо отсчитал нужное количество купюр и вручил их продавцу. Уже на выходе из магазина он предложил Анне отметить покупку, а заодно и их знакомство, в ресторане.

Анна согласилась, не раздумывая.

В тот день Анна вернулась домой поздно, глубоко за полночь, опьянённая шампанским и любовью. Родители, конечно же, подняли страшный шум, но Анне было на них плевать.

Она с отвращением смотрела на старые нелепые обои и деревянный пол кухни с выступающими половицами, на нищенскую мебель и замызганную клеёнку на столе.

Она была счастлива от одной только мысли, что с завтрашнего дня всё будет по-другому.

У неё начнётся новая жизнь.

Бинго, мать вашу!..

Трудно сказать, в какой именно момент всё пошло не по плану Анны.

Ей так и не удалось вновь встретиться с Александром. Номер телефона, который он ей оставил, оказывался недоступным каждый раз, когда Анна пыталась по нему позвонить.

Она запаниковала не сразу. Александр – занятой человек, бизнесмен. Может быть, он отключил телефон из-за сильной загруженности на работе. Или же он приболел. Весна всё-таки. Слякоть, ветер, перепады температур.

Каждый день по дороге из школы Анна во все глаза смотрела на проезжающие мимо автомобили, пытаясь отыскать глазами тот самый тёмно-серый внедорожник.

Так пролетело две недели.

Наконец ей всё же повезло приметить машину Александра, когда она садилась в автобус. Сбежав вниз по ступенькам, Анна бросилась напрямиком на проезжую часть. Ей сигналили водители автомобилей, резко тормозящих перед ней, но она, не обращая на них внимания, подбежала к капоту «Рэнджровера», вскинув свои руки вверх. Увидев, что Александр остановился, она бросилась к приоткрытому боковому окну с его стороны.

– Саша! Почему ты не звонишь? Что с твоим номером? Он постоянно недоступен! – задыхаясь, выпалила Анна.

– Мы знакомы? – холодно спросил Александр, брезгливо взглянув на неё. – Ты кто вообще?

У Анны всё поплыло пред глазами.

– Мы же с тобой... в отеле. Ты же говорил... Ты меня забыл?..

Сзади оглушительно сигналили.

– Вали, дура, – глядя Анне прямо в глаза, со злостью сказал Александр. – Тебе в психушку надо.

С этими словами он уехал, оставив Анну посреди дороги.

Возможно, Анна бы усвоила этот жизненный урок и впредь была бы умнее, но её разовый секс с Александром обернулся неожиданной проблемой.

На последнем звонке в школе Анна внезапно почувствовала себя плохо. Её тошнило. Сначала она списала это на стресс, но уже к середине церемонии позывы к рвоте усилились. Торжественную речь директора школы она уже не слышала, стоя на четвереньках возле школьного унитаза.

Когда Анна пришла в женскую консультацию, чтобы записаться на аборт, выяснилось, что все сроки уже вышли.

Беременность протекала сравнительно легко. Физически – да. Но морально...

Родители помогали, как могли. Конечно, новость о скором пополнении в семье их не обрадовала, но, на удивление Анны, они довольно быстро смирились с тем, что в ближайшем будущем им предстоит примерить на себя роль бабушки и дедушки. Мать начала собирать по соседям пелёнки-распашонки, отец за смешные деньги выкупил почти новую детскую коляску у знакомых.

Анна ненавидела своих родителей за то, с каким трепетом они относятся к ещё не родившемуся ребёнку. Как они могли заочно полюбить то, что сломало ей жизнь?

Ни мать, ни отец ни разу не спросили у Анны, как она забеременела и от кого. Конечно, мать немного попричитала на тему «подонков, которым только одно и нужно», но серьёзного разбора полётов не было. Анну это устраивало. Их, видимо, тоже.

Анна заметила, что родители бросили пить. Они оба будто воспряли духом. Стали ласковее и добрее по отношению к Анне и друг другу.

Словом, всё было хорошо. Почти идеально. Но именно это и бесило Анну. Она хотела повернуть время вспять, потому, что её жизнь перестала ей принадлежать. Отныне все её планы и цели пошли под откос.

Всю беременность она провела как в бреду. Как только начал стремительно расти её живот, она перестала смотреться в зеркало. Анна просто не хотела видеть себя такой, – толстой и уродливой. Ей казалось, что хуже всего того, что сейчас с ней происходит, не может быть ничего. Но она ошибалась.

За три дня до даты предполагаемых родов в палату Анны вошёл врач, который сообщил ей, что её родителей больше нет в живых. Водитель такси, в котором они ехали к Анне в родильный дом, не справился с управлением из-за сильного снегопада.

Глава 7. Мама

Он был отвратительным ребёнком. Он постоянно требовал к себе внимания.

Анна пыталась отыскать в себе хоть каплю материнской любви по отношению к этому вечно кричащему комочку, завёрнутого в пелёнку, но не могла. Это неудивительно. Многие женщины ошибочно полагают, что с рождением ребёнка их жизнь будет напоминать сказку.

Когда родился сын, она совсем сникла. Ребёнок не давал ей покоя ни днём, ни ночью. Анна чувствовала себя несчастной. Ей не был нужен этот ребёнок, раз он не мог гарантировать ей безбедную и беззаботную жизнь.

Поэтому он стал ей помехой.

Сын подрастал, и становилось только хуже.

Самое ужасное, что из-за него Анна никак не могла устроить свою личную жизнь. Мужчины, появляющиеся в её жизни, мгновенно сбегали, услышав о её сыне.

Каждый раз, приходя домой с очередного неудавшегося свидания, Анна брала ремень от старой сумки и изо всех сил стегала им этого никчёмного выродка. Иногда в ход шла обувь, половник, мухобойка или ремень от плаща, – в общем, всё, что только попадалось под руку.

Пока сын был маленьким, было ещё терпимо. Но ребёнок подрастал и доставлял гораздо больше проблем.

Мужчин у Анны было много. Она была очень красивой молодой женщиной и прекрасно об этом знала. Она ходила на многочисленные свидания, надеясь встретить того самого единственного, кто сможет сделать её мечты былью.

«— Чё, вечером состыкуемся, красотка?

— Ну можно.

— Тогда я заеду к девяти?

— Заезжай.»

В тот день Анне было не на кого оставить сына, но её это не особенно волновало. Её сыну было уже четыре года, и тот уже не раз оставался ночью один.

Правда, тогда всё пошло не по плану. Мужчина оказался хорош. Ей повезло встретить того, кто понимал, что такие женщины, как Анна, требуют определённых финансовых вложений. Мужчина платил, Анна веселилась. Их «знакомство» растянулось на три дня, но закончилось ничем. Этот недоносок заявил, что Анна слишком много ест, слишком много пьёт и слишком много требует. А когда Анна сказала о том, что дома её ждёт маленький сын, мужчина и вовсе поскучнел. Стал говорить о том, как ему важна свобода. Что он не хочет серьёзных отношений. Что он привык быть в ответе только за самого себя.

В общем, всё как обычно.

Анна тогда вернулась домой, предвкушая, как она причинит боль зверёнышу, из-за которого в очередной раз разрушились её мечты о счастливой семье.

Но в тот день её встретила тишина. Анна поискала сына во всех помещениях квартиры, но его нигде не было.

Пока она раздумывала над тем, не сообщить ли ей в полицию о пропаже ребёнка, раздался телефонный звонок. Анна, предчувствуя недоброе, взяла трубку.

Звонили из больницы. Спрашивали, как скоро она сможет приехать. Говорили что-то про органы опеки и стражей правопорядка.

Оказалось, что вмешались соседи, из-за чего дело приняло очень неприятный поворот.

Анну пригласили в кабинет, где, помимо неё, присутствовало ещё пять человек. Анна не запомнила их имена и должности, впрочем, ей это было неважно. Те пятьдесят минут, что она провела там, длились просто бесконечно. На Анну обрушился шквал обвинений и унижений. Чтобы сохранить спокойствие, ей понадобилось колоссальное самообладание. Работники органов опеки решили «дать ей шанс», как они сами выразились. Анна соглашалась со всем, что ей говорили, изображая раскаяние как можно более искренне, обещала исправиться и как следует заботиться о своём сыне.

Анна изо всех сил пыталась сдерживать нарастающую злость. Её хотелось встать и уйти из этого душного кабинета, пропитанного ненавистью к ней, совершенно незащитной молодой женщине, которая была виновата лишь в том, что совершила одну-единственную ошибку в своей жизни, которая отравила ей жизнь, – родила нежеланного ребёнка.

«Заткнитесь, вы, морально озабоченные ублюдки! Вы ничего не знаете обо мне, а значит, ничего не сможете понять. Вам так важен «невинный прекрасный малыш»? А я? С каких пор мои желания и мечты оказались отодвинутыми на десятый план?»

Прошёл почти час, прежде чем её мучители сжалились над ней. Больше всего на свете Анне хотелось поехать домой, плеснуть в стакан вина и забраться на мягкий диван под старый тёплый плед. Но ей пришлось ехать в детское отделение городского стационара, и уже там снова играть роль заботливой любящей мамочки.

Медицинский персонал смотрел на неё с нескрываемым презрением, но Анна старалась не обращать на них внимания. С гордо поднятой головой она не спеша направилась вглубь по коридору, стараясь отыскать нужную её дверь.

Когда она вошла в палату сына, он не спал. Увидев Анну, ребёнок оживился и протянул к ней свои худые ручонки.

– Мама!

Он светился от счастья.

Анна, борясь с отвращением, крепко обняла сына и даже сказала ему несколько ласковых фраз.

Конечно, впоследствии её пришлось вести себя более осторожно, чтобы эта история не повторилась. Анна больше не уходила из квартиры надолго. Отныне все вечеринки и свидания она устраивала дома. То, что квартира однокомнатная, Анну не смущало. Посиделки в основном проходили

в кухне, а чем в это время занят её сын, Анну не интересовало, а после нескольких рюмок горячительного напитка ей было и вовсе на это плевать.

Подрастая, сын всё больше походил на своего папашу. Мальчишка рос нескладным, угловатым, с прямыми каштановыми волосами и острыми чертами лица. Как и у его отца, у него были глубоко посаженные карие глаза, тонкие губы и бледная кожа. Вылитый вампир, ей-богу.

Больше всего Анну раздражало, что этот малолетний щенок был себе на уме. Он никогда с ней не спорил, всегда её слушался, делал всё, что она говорила, но этот его взгляд... Исподлобья, с неприкрытой ненавистью. И его постоянное молчание. Анна много раз пыталась спровоцировать сына на перепалку или даже скандал, но он упорно молчал, и это казалось Анне чем-то нездоровым и тревожным. Как бы она обрадовалась, окажись он психически неполноценным! Ведь это был бы отличный повод сдать его на поруки государства и забыть о нём, как о кошмарном сне. Но мальчик, как выяснилось ещё в начальных классах средней школы, был на удивление умён и развит по годам.

Многое изменилось, когда в доме появился Андрей.

Андрей был человеком с другой планеты, не иначе. В нём бурлила неуёмная жизненная энергия. Сам того не подозревая, он раскрасил жизнь Анны разноцветными красками.

Они познакомились, когда Андрей пришёл к Анне чинить сломанный смеситель в ванной комнате. Он в то время под-

рабатывал в местном ЖКХ сантехником. Войдя в квартиру, он разулся, надел предложенные Анной тапочки и за десять минут устранил неисправность, просто поменяв старый смеситель на новый. Не отказался и от чая, который Анна предложила ему из вежливости. Уже уходя, попросил разрешения зайти как-нибудь на днях, чтобы проверить качество своей работы. Анна не отказала. От Андрея веяло таким мощным теплом и добротой, что Анна прониклась к нему симпатией. Он остался навсегда после нескольких своих визитов, придя в последний из них с небольшим чемоданом своих вещей.

Андрей быстро нашёл общий язык с сыном Анны. Невооружённым глазом было видно, что мальчик потянулся к нему. Анна иногда даже испытывала приступы ревности, глядя на то, как Андрей возится с пасынком.

Неожиданно для себя Анна почти завязала с алкоголем. После того, как сын поступил в институт и впоследствии съехал в съёмную квартиру (конечно, с помощью Андрея), началась и вовсе другая, новая жизнь.

Кто же мог знать, что через десять с лишним лет всё вернётся на круги своя, и её жизнь снова разрушится, а всему виной станет тот, кого она ненавидела с самого рождения, — её сын.

Глава 8. Безумие

Ей тогда сказали, что он как ребёнок. Что он не умеет считать до ста, не знает значения многих слов, что его мозг словно бы вернулся в то время, когда ему было пять лет.

Анна, стараясь оставаться бесстрастной и не выдать переполнявших её эмоций, смотрела на своего сына.

– Мама, – сказал он, широко улыбнувшись. – Мамочка, ты пришла!

Её затрясло, когда он крепко её обнял, прижав к себе. Для врачей нужно было «держать лицо», поэтому Анна обняла его в ответ, поглаживая ладонью правой руки его спину. Она не издала ни единого звука, словно пребывая в состоянии шока. Она смотрела на этого худощавого мужчину с проседью на висках, в его смеющиеся счастливые глаза, и не могла поверить, что всё, что сейчас происходит, – реально.

Осознание ужаса этой ситуации наступило позже, когда Анне пришлось забрать сына из больницы. Лечащий врач сказал ей, что её сын физически здоров, и поэтому нет никакого смысла держать его в стационаре. Насчёт его психического состояния, как выразился врач, всё было «немного сложнее». От подобного помутнения рассудка лекарства не существует. Может быть, его мозг разблокируется быстро, буквально в ближайшие недели, но может получиться и так, что его помешательство продлится не один год и даже, воз-

можно, всю оставшуюся жизнь.

Такая лотерея Анну не устраивала.

Она же избавилась от него! Избавилась в надежде никогда больше его не видеть и не слышать.

Идиот требовал от неё слишком много внимания. Он и в самом деле был словно маленьким беспомощным ребёнком, которого нельзя ни на минуту оставлять без присмотра. Он снова, как и много лет назад, связывал Анну по рукам и ногам.

Анна не была слишком жестокой по отношению к сыну, но в её голове иногда проскальзывали мысли о том, как было бы хорошо, если бы его вдруг не стало. Например, если бы он случайно подавился едой, пока бы она была на работе, а по приходу домой она бы обнаружила его бездыханное тело на полу в кухне. Или если бы во двор их дома въехал автомобиль с отказавшими тормозами, когда её сын гулял бы во дворе. Такие мысли приносили Анне кратковременное облегчение, но потом заставляли мучиться от чувства вины.

Анна прекрасно понимала, что её сын не виноват в том, что с ним происходит. Но ощущение несправедливости жизни по отношению к ней вызывало у Анны жгучую ненависть при одном только взгляде на это жалкое человекоподобное существо со стекающей по подбородку слюной.

Она не заслужила такой судьбы. В этом Анна была уверена.

На тот момент она ещё не совсем оправилась от смерти

Андрея. Он совсем немного не дожил до момента, когда её сын лишился рассудка.

Андрей умер ночью пятнадцатого июля. Он и раньше иногда жаловался на боли в правой почке, но не спешил обращаться к врачу, не считая такую мелочь серьёзным поводом для беспокойства. Уже после его смерти Анна нашла под матрасом их общей кровати целый ворох пустых пластинок из-под обезболивающих препаратов. Возможно, Андрей не хотел лишней суеты вокруг себя, ведь время и без того было непростое после трагедии в семье его пасынка. Впрочем, и саму Анну никогда особенно не волновало состояние здоровья и самочувствие Андрея.

В то утро она проснулась в десять часов утра и очень удивилась, обнаружив лежащего рядом Андрея, который обычно уходил на работу в семь. Анна прикоснулась к его плечу и с ужасом осознала, что его кожа холодна, как лёд.

Анна его не любила. Он точно так же, как и её сын, не вписывался в мечты о светлом будущем, которые Анна лелеяла в юности. Он был, по мнению Анны, глуповат, односторонний и примитивен. У него никогда не было плохого настроения, он был лёгок на подъём и частенько раздражал Анну своим неуёмным жизнелюбием.

Но после его смерти стало пусто. Глухо, тоскливо и ужасающе одиноко. Анна в буквальном смысле не находила себе места, не зная, что ей делать и как жить дальше. Смерть Андрея выбила её из колеи.

Утешением стал алкоголь, как и раньше. Анна зажигала свечи, много свечей. По всей квартире. Жадно опустошала рюмку за рюмкой, стремясь как можно быстрее впасть в бессознательное состояние. Но очень скоро алкоголь перестал приносить ей успокоение. Видения из её желанной идеальной жизни переплетались в воспоминания из жизни, ею прожитой, причиняя ей острую боль.

Когда Андрея не стало, это сильно подкосило Анну, но она даже представить себе не могла, что дальше будет ещё хуже. Звонок из больницы, в которую попал её сын, будто поставил точку на её жизни. С этого момента начался ад, продолжавшийся несколько лет. Вплоть до того самого дня, когда появилась маленькая надежда, что это никчёмное существо избавит её от своего присутствия в квартире навсегда.

В тот злополучный день её сын сбежал во двор без её разрешения. Анна редко отпускала его погулять без присмотра, но дурак упрямо рвался на улицу, как он говорил, «посмотреть на солнышко», поэтому научился тайком открывать дверь ключами, которые вытаскивал из карманов одежды Анны, если та забывала их спрятать в надёжное место.

Анна смотрела своё любимое ток-шоу по телевизору, поэтому ещё бы не скоро заметила отсутствие сына, если бы не услышала громкие крики, доносившиеся из приоткрытого окна.

Подойдя к окну и чуть отодвинув занавеску, она с высоты второго этажа увидела своего сына, лежащего на асфаль-

те. Вокруг него топталась небольшая стайка детей, их было шесть или семь. Дети бросали в него камни и обломки кирпичей. Дурак катался на спине, раскачиваясь из стороны в сторону и обхватив свою голову руками.

Анна замерла на месте, заметив бурое пятно, расплзающееся из-под тела её сына.

Она не закричала и не бросилась из квартиры во двор, чтобы ему помочь.

Она просто стояла и смотрела, как её сын корчится от мучительной боли, лёжа на асфальте в луже собственной крови.

Она не испытывала ни капли жалости, глядя через окно на этого скрюченного, неестественно выгнутого человека, который пытался защититься от ударов летящих в него камней.

Она хотела, чтобы всё это закончилось. Как можно быстрее.

Малолетним убийцам помешала непогода. Внезапно хлынул сильный ливень, поднялся небывалой силы ветер, сметающий на своём пути рекламные вывески, молодые деревья, мусорные баки и лавки у подъездов. Звенели выбитые оконные стёкла.

Анна отпрянула от окна, когда в него ударил шквалистый порыв ветра.

Кто-то из жильцов громко закричал на детей, отчего те бросились врассыпную. Кое-кто, вероятно, успел позвонить в «скорую» и полицию, так как через несколько минут Анна услышала нарастающий по громкости вой сирен.

К Анне стражи правопорядка пришли спустя три часа. Она открыла дверь только после четвёртого звонка, в помятом халате, растрёпанная, якобы только что проснувшаяся. Она умело просимулировала удивление и шок от визита полицейских.

Единственным моментом, когда Анна не притворялась, был тот, когда она, охнув, съехала всем телом вниз по стене в прихожей после того, как полицейские сказали, что её сын пока ещё жив. Тогда у Анны случился приступ истерики. Из её глаз градом покатались слёзы, ей стало трудно дышать.

Почему, почему он не сдох?! За что мне всё это? Я больше не могу. Не хочу...

Когда пришло раскаяние? Наверное, в тот самый день, когда она увидела своего сына лежащим на больничной койке в отделении реанимации, куда её любезно пригласил лечащий врач. Она смотрела на неестественно худого человека с измождённым лицом и огромными синяками на руках в местах проколов иглами, и в её сердце будто что-то шевельнулось. Анна по-прежнему желала ему смерти, но одновременно с этим ей было его жаль. Прогнозы на выздоровление оставляли желать лучшего, скорее, они были ничтожно малы, поэтому оставалось только ждать вполне предсказуемого исхода.

С тех пор Анна почти перестала спать. Всякий раз, когда ей всё же удавалось заснуть, её мучили страшные кошмары. В них она видела своего сына. Сюжеты менялись, но каждый раз ей доставалась роль палача, хладнокровного и без-

жалостного.

«Лица троих висельников были скрыты под мешками из грубой ткани. Анна медленно подошла к одному из них. Палач накинул петлю на шею приговорённого, сорвал мешок с его головы, и перед глазами Анны предстал её сын. Он пристально смотрел на неё, не моргая.

– Я люблю тебя, мамочка.

От неожиданности Анна отпрянула назад. Бескрайняя нежность в его голосе резко контрастировала с ненавистью и болью в его глазах.

– Люблю тебя. Люблю. Всегда. Мама. Люблю. Люблю...

– Хватит! – в ужасе крикнула Анна.

Палач тем временем снял мешки с голов двух других висельников, и в каждом из них Анна узнала своего сына. Три пары родных глаз буравили её взглядами насквозь.

– Мама. Обними меня. Ты у меня самая лучшая. Моя мама. Моя. Я тебя так люблю. Мама...

Все трое вытянули руки вперёд по направлению к Анне.

– Мамочка, смотри! Это всё для тебя. Ты так этого хотела!

С этими словами первый из висельников спрыгнул с доски, на которой он стоял. Петля верёвки тут же впиалась в его шею. Раздался жуткий хруст позвонков.

– Мамочка, – позвал её другой, приготовившись к прыжку. – Ради тебя я готов на всё.

Анна истошно закричала.»

Она понимала, что осталась совершенно одна. Постарев-

шая и никому не нужная. Чуть позже начались проблемы со здоровьем, заставившие её принять непростое решение.

В дом престарелых она пришла доживать свою стремительно заканчивающуюся жизнь. Всё, что ей оставалось, – неистово молить Бога о прощении и спасении её измученной души.

Глава 9. Надежда

– Вы действительно думаете, что Бог вас простит? После всего того, что вы сделали?

Анна вздрогнула и обернулась. В палате она была уже не одна. Прямо перед собой она увидела высокого худощавого человека в чёрном плаще. Его ярко-оранжевые глаза смотрели на Анну с насмешкой.

– Ты всё видела. Ты могла всё исправить тогда, если бы вмешалась. Но вместо этого ты стояла у окна и смотрела, как умирает твой сын.

Слова незнакомца жгли Анну, словно адский огонь. Она обхватила голову двумя ладонями, зажав ими уши, чтобы только не слышать, НЕ СЛУШАТЬ...

– За что ты его так? Откуда такая ненависть?

– Он сломал мне жизнь! – взвизгнула Анна. – Я не причиняла ему зла! Я ни в чём не виновата! Не виновата.

Человек в плаще рассмеялся:

– Конечно, нет. Ты просто хотела, чтобы он умер, вот и всё. Ты ненавидела своего сына с самого его рождения.

Анна стояла перед ним с бледным лицом, пытаясь сохранить остатки самообладания. Она пыталась понять, кто этот человек, если он вообще таковым являлся. В нём было неправильным всё – осанка, взгляд, интонация. Он откуда-то знал о ней абсолютно всё, Анна это чувствовала.

Наконец, её осенило. Он пришёл за её душой.

– Мне не нужна твоя душа, – молниеносно прозвучал ответ её мыслям. – Твоё раскаяние обеспечит тебе другую участь.

С этими словами Незнакомец указал пальцем левой руки вверх. Анна с облегчением выдохнула.

– Я пришёл сюда, чтобы его получить. Скажи вслух то, что ты никогда никому не говорила.

– Я не желала ему зла. Честное слово, – Анна умоляюще посмотрела в мертвенно-холодные жёлтые глаза Незнакомца, словно ища сочувствия. – Я дала ему жизнь. Я ведь не задушила его подушкой в младенчестве! Я растила его и заботилась о нём, как могла. Да, я никогда его не любила. У меня так и не получилось его полюбить, хоть я и пыталась. Сейчас я понимаю, что я была плохой матерью, но уже ничего нельзя изменить. Когда мой сын вырос, и наше общение оборвалось, я была рада. Наконец-то я могла жить так, как захочу. Начать всё заново...

– Получилось? – перебил Человек в плаще.

– Нет. Моя жизнь никогда меня не устраивала. Она была не такой, как я её себе всегда представляла. Но Андрей любил меня, он пытался сделать меня счастливой. Я поняла это только тогда, когда он умер. А потом этот звонок из больницы...

Анна замерла, беззвучно шевеля губами и будто стараясь вспомнить что-то важное, но потом резко подалась вперёд и

выкрикнула:

– Они сказали, что я мать! И что это мой крест – до конца своих дней выхаживать придурка!.. Знаете, почему я в тот день, выглянув в окно, даже не подумала о том, чтобы ему помочь? Потому что хотела, чтобы и его, и мои мучения, наконец, закончились! Я не желала ему смерти. Я просто больше не могла так жить!

Анна расплакалась. Человек в чёрном плаще молча и бесстрастно смотрел на неё и ждал, когда она успокоится.

– Потом я часто вспоминала тот день. Думала, а что, если бы я вмешалась? Что было бы тогда? И знаете что? Я виновата, и я раскаиваюсь, мать вашу, но лишь недавно я поняла, что это не сын был моим крестом, а моё бесконечное чувство вины перед ним!..

На некоторое время в палате воцарилась тишина.

Желтоглазый подошёл к окну и задумчиво произнёс:

– Сегодня удивительная ночь.

– Вы... пришли за мной? Это случится сегодня?

– Я же сказал, что ты мне не нужна. Я получил всё, что хотел. Теперь тебя ждут наверху.

Анна ощутила, как внутри её тела разливается благодатное тепло. Она нужна Богу. Он простил её. Её никчёмная жизнь сменится на бесконечное счастье посреди райских садов.

Человек в плаще ухмыльнулся, прочитав её мысли. Этот мир не изменить, пока есть люди, способные исковеркать чу-

жую жизнь, наплевав на неё, ведь перед лицом смерти можно чуть-чуть всплакнуть и попасть на облачко. Эти твари с прогнившими душами знают, как работает система.

Он с презрением смотрел, как Анна, держась рукой за левую грудь, медленно оседает на пол. С её лица так и не успела сойти блаженная улыбка. Она пыталась что-то пробормотать, но Человек в чёрном плаще уже шёл к двери, по пути переступив через её лежащее на полу тело. Уже выходя из палаты, он оглянулся на Анну, и, глядя в её угасающие глаза, произнёс:

– Смотри, не захлебнись Царствием небесным.

Часть 3

Глава 1. Пробуждение

Он открыл глаза и тут же зажмурился. Свет был не сильно яркий, но его глаза слишком привыкли к крошечной тьме.

Осторожно Дмитрий приподнял веки. Перед его глазами открылось зрелище настолько же прекрасное, насколько и жуткое. Он стоял на перекрёстке множества ослепительно белых коридоров, выделанных блестящим кафелем.

Дмитрий осмотрел себя. На нём была надета больничная рубашка, – грязная, серая тряпка с неотстирывающимися бурыми пятнами, напоминающими кляксы. Ноги были босыми. Дмитрий вытянул руки вперед, обратив внимание, что вены на сгибах локтей в синяках и проколах. Руки мгновенно устали и устремились вниз, повиснув, как плети. Ноги его не слушались; при попытке сделать хоть шаг, он ощущал страшную слабость.

Дмитрий чувствовал себя плохо. словно он на протяжении долгого времени выполнял тяжёлую, непосильную физическую работу без перерывов на еду и сон. Мысли в голове были прозрачные, неясные. Дмитрий не понимал, где он находится, он почти не мог пошевелиться, не смог (хоть и пытался) выдать из себя хоть слово. Навалившаяся на

него усталость заставила его лечь на прохладный белоснежный пол, притянуть колени руками к груди и вот так, в позе эмбриона, лежать с закрытыми глазами и пытаться разобраться в происходящем.

Мысли путались. Перед глазами мелькали картинки из прошлого, – то были его воспоминания. Эти воспоминания пугали Дмитрия, он пытался отождествить их со своей жизнью, но не мог. Они как будто были чужими.

Мужчина в белом халате, улыбаясь, подкидывает вверх смеющуюся темноволосую девочку.

«Это дочь? У меня нет дочери. У меня её нет, нет. Она была?..»

Дмитрий никак не мог вспомнить что-то важное. Какая-то мысль не давала ему покоя. Было что-то... Что-то, что придавало смысл происходящему с ним сейчас. Но мысль ускользала, а память вновь и вновь выдавала множество цветных картинок из словно бы чужого, но такого знакомого прошлого.

Зеленоглазая девушка берёт его за руку. Счастье.

Дмитрий открыл глаза. Он вдруг понял, что не хочет **ВСПОМИНАТЬ**. Пусть всё останется так, как есть. Не нужно боли. В том, что в прошлом боли было много, Димка был почти уверен. Все эти мгновения счастливой жизни, возникающие у него в голове, сопровождались необъяснимым чувством тревоги и безнадёжности, словно было ещё что-то, что стёрло приятные эмоции, оставив пустоту и страдания. Сей-

час он был один, даже не представляя, где он находится. Коридоры походили на больничные, но они были пусты и безмолвны.

Ему представился дом. Большой деревянный дом с высоким крыльцом. Димка насчитал шесть ступенек ко входной двери. Дверь казалась ему до боли знакомой. Добротная, крепкая деревянная дверь тёмно-зелёного цвета. Димка боялся её открывать. Ему казалось, что там, за ней, ответы на все его вопросы. Ответы, которые он не хотел услышать.

Из-за двери послышался до боли знакомый голос. И детский смех.

«— Когда вернётся папа?..»

— Девочка моя, папа очень занят на работе, он придёт только вечером.

— Он всегда занят!»

Слова малышки резали без ножа. Дмитрий задыхался от слёз. Седой, пожилой мужчина, склонившись над ним, покачал головой:

— Это не твоя вина. Ты не Бог, не Бог...

Димка исступленно катался по полу, подтягивая колени руками к подбородку. Память была электрическим током.

Неожиданно погас свет. Сейчас Димка лежал в крошечной тьме и абсолютной тишине, слушая, как колотится его сердце. Видения исчезли. У Дмитрия появилось ощущение, что он уже не один в этом странном месте, которое он мысленно назвал «Лабиринт».

Темнота начала рассеиваться, свет постепенно возвращался в помещение. Димка шумно выдохнул и рывком поднялся на ноги.

Прямо перед ним стоял человек. Худощавый, в длинном, чёрном плаще. Он был довольно высоким, даже выше самого Димки, его гладкие, иссиня-чёрные волосы доходили до самых плеч. Внешне он производил бы впечатление ничем не примечательного человека, если бы не его удивительные глаза. Они были очень выразительными, ярко-оранжевого цвета. Цвета огня. Да, точно. Огня. Дмитрию на секунду стало нестерпимо жарко, словно он стоял возле костра.

Глаза и правда жгли насквозь, изучая Дмитрия, будто сканируя его.

Дмитрий первым нарушил молчание:

– Кто вы?

– Я пришёл за тобой, мой мальчик, – Желтоглазый ослепительно улыбнулся, продолжая смотреть Дмитрию прямо в глаза.

– За мной? Зачем?

– Я хочу тебе помочь, – Человек в чёрном отогнул манжету плаща и посмотрел на часы. – Времени совсем немного, нужно торопиться. Ты должен многое увидеть и вспомнить.

– Так, стоп. Я не знаю, кто вы. Я не знаю, кто я. Я не знаю, где я нахожусь, и что вам от меня нужно...

– Я тебе всё расскажу. Просто замолчи и иди за мной.

С этими словами Человек в плаще повернулся к Димке

спиной и вошёл в один из коридоров.

Дмитрия охватила ярость:

– Да кто ты такой, мать твою?! Чего ты хочешь от меня?!

Незнакомец, не оборачиваясь, ответил:

– Вопрос только в том, чего хочешь ты.

Дмитрий тихо выругался и двинулся вслед за ним.

Длинный белый коридор, казалось, никогда не закончится. Человек в чёрном плаще шёл быстро, ступая широкими шагами. Чем дальше они углублялись вдаль по коридору, тем более тусклым становилось освещение. Стены меняли цвет, на них проступали нелепые рисунки. Дмитрий мог поклясться, что все эти изображения были ему знакомы. Вот только где он мог их видеть?..

Старая, грязная детская кроватка. Там, внутри, скомканные бурые тряпки.

Табурет с облупленной зелёной краской на полусгнивших ножках.

Уродливый оранжевый кот из твёрдой пластмассы.

Грязный плюшевый медведь со вспоротым брюхом, из которого торчит пожелтевшая свалывшаяся вата.

Стопки книг.

Пустые бутылки.

Картинки так быстро сменялись друг другом, что у Дмитрия закружилась голова. Он присел на корточки, прикрыв ладонями глаза.

Всё происходящее казалось ему бессмысленным. Дмит-

рий убеждал себя, что это просто сон. В реальности не бывает лабиринтов без начала и конца, рисунки не появляются сами по себе, а людей с ярко-оранжевыми глазами не существует.

Или же он умер.

Димка поёжился от этой мысли, но, тем не менее, она не казалась ему такой уж дикой.

Возможно, где-то сейчас его безжизненное тело лежит в гробу в чёрном костюме, рядом стоят печальные родственники, горят свечи. А душа его здесь. Мечется в поисках выхода.

«Здесь – это где?..»

Это место нельзя было назвать ни раем, ни адом. Скорее, это была индивидуальная камера пыток.

Добро пожаловать в персональный кошмар.

Рассказывают, что в момент смерти люди видят тёмный тоннель с манящим светом впереди.

Это был однозначно не тот тоннель. Тем более, Дмитрий чувствовал себя чрезвычайно живым. Он слышал стук собственного сердца, он дышал, чёрт возьми! Да и коридор сильно смахивал на лабиринт. Ещё этот Желтоглазый. Димка семенил за ним по коридору, остерегаясь спрашивать того о чём-либо. Незнакомец внушал ему необъяснимый страх, но в целом никак не тянул на посланника смерти.

Словно понимая, что Дмитрий думает про него, Желтоглазый, не сбавляя шага, чуть обернулся. Димка мысленно

показал ему неприличную фигуру двумя руками. Он готов был поклясться, что услышал, как Человек в плаще усмехнулся.

Глава 2. Комнаты

Тем временем коридор начинал меняться, в нем начали появляться двери. Они были разных размеров и цветов, некоторые из них были приоткрыты, но большинство – крепко заперты.

У Димки было плохое предчувствие. Все эти двери его нервировали, внушали какой-то необъяснимый страх. В глубине души он надеялся, что Желтоглазый не будет открывать ни одну из них. Но он ошибался. Незнакомец начал замедлять шаг, а потом и вовсе остановился перед одной дверью.

– Входи, – посмотрев на Дмитрия, сказал он.

– Не хочу, – капризно ответил Димка. – Что там?

Желтоглазый глубоко вздохнул и достал из кармана своего плаща пачку сигарет. Жестом предложил Димке сигарету.

Они вдвоём стояли перед ветхой от времени дверью и молча курили какое-то время. Докурив, Человек в плаще швырнул окурок на пол, открыл дверь, взял Дмитрия за плечо и, не обращая внимания на его слабые попытки сопротивления, завел его внутрь.

Они оказались в небольшой полутёмной комнате. Димке в глаза бросился дикий беспорядок: с потолка свисала многодневная паутина, на полу были разбросаны вещи, бутылки, какие-то скомканные листы бумаги, напоминавшие вырванные страницы книг. В комнате жутко пахло плесенью.

Единственное окно прикрывала серая нестиранная занавеска с огромной дырой. Именно дыра позволяла свету луны хоть немного проникать в комнату. Димка посмотрел на стену справа от окна. Там висело несколько рисунков, судя по всему, нарисованных ребёнком лет 4–5. Рисунки были неаккуратные, неумелые и не показывали ни капли художественного таланта. Но что-то в них было такое... Димка не мог понять. Он точно помнил, что уже видел где-то эти рисунки.

– Я бывал тут раньше? – он пытливо посмотрел на Желтоглазого.

– Конечно. Ты разве не узнаёшь эту комнату?

– Я узнаю рисунки. Вернее, я их уже видел.

– Ты помнишь кисти в своих пальцах? Помнишь, как старательно выводил линии на белом листе бумаги? Ты так злился, когда у тебя ничего путного не выходило.

– Я тогда впервые взял кисть, сколько мне было?! – Дмитрий запнулся и испуганно посмотрел на Человека в плаще. – Этого не может быть! Это... мой дом? Где я жил в детстве?

– Идём. – Желтоглазый человек подошел к противоположной стене и отворил дверь.

Дмитрий хотел его спросить, откуда эта дверь там взялась, но передумал. Ведь, в конце концов, если ему и правда снится сон, то иррациональные вещи можно принять за норму.

В следующей комнате были люди. Красивая худощавая женщина лежала на грязном полу, что-то бормоча. Она была сильно пьяна. Рядом с ней плакал мальчик. Малыш пы-

тался разбудить женщину, тормоша её за плечо маленькими ручонками. Женщина недовольно ворочалась и пыталась отмахнуться от ребёнка.

Сама комната была близнецом предыдущей. Те же бурые занавески на окне, тот же запах затхлости и гниения.

Дмитрий чувствовал отчаяние, которое в этот самый момент ощущал маленький заплаканный мальчик. Когда женщина, грязно выругавшись, ударила наотмашь ребёнка по голове, то Димка, закачавшись, прижался спиной к двери, словно это его ударили.

Человек в чёрном плаще бесстрастно смотрел на происходящее. После того, как малыш упал на пол, приложив ладошки к месту удара, Незнакомец пытливо посмотрел на Дмитрия.

– Дети не всегда бывают нужными, вот в чём печаль, – сказал он. – Часто они просто результат животных инстинктов их родителей. Так и живут, ненужные. Бьются за жизнь, пытаюсь доказать всем, что достойны любви.

– Им это удаётся? – спросил Дмитрий.

– Видишь ли, мой мальчик... Никому не нужные люди в первую очередь не нужны самим себе.

– Тогда в чём смысл их существования?

Незнакомец не ответил. Он молча подошёл к плачущему мальчику и погладил его по голове. Мальчик не видел его и, словно не ощущая прикосновения, продолжал всхлипывать.

Но Дмитрий не собирался сдаваться:

– Этот мальчик... это я, верно? Ненужный с самого рождения? Расскажи мне, что со мной случилось? Кто я? Зачем ты мне это показываешь? И кто ТЫ, чёрт бы тебя побрал?!

– Мальчик мой, твоя память – лучший рассказчик. Не я. Постепенно ты вспомнишь всё, получив ответы на свои вопросы.

Желтоглазый посмотрел на часы.

– Времени у нас не слишком много. Пойдём. Следующая комната ещё интереснее.

В этот раз не потребовалось переходить в другое помещение. Дмитрию достаточно было моргнуть, чтобы картинка просто сменилась перед глазами.

Комната снова была той же, но гораздо более загрязнённой. Больше бутылок, больше мусора, горы нестиранного тряпья. Дмитрию сначала показалось, что в комнате никого нет, но, приглядевшись, он увидел на рваном грязном матрасе в углу маленькое скрюченное тельце. Это был тот же самый малыш, только в этот раз он был очень худым и выглядел замученным. Он пытался встать на ноги, но сил на это у него не было, и каждый раз он падал обратно на матрас.

– Сколько дней просидел этот кроха без еды в запертой комнате? – безучастным голосом спросил желтоглазый человек.

– Три дня... – одними губами выдохнул Дмитрий.

Три нескончаемых дня. Наедине с тараканами и крысами, без еды и воды, без возможности выйти из комнаты, запер-

той на ключ. Мать тогда ушла, приказав сидеть тихо. Дмитрий плохо помнил, как он прожил эти дни. Из воспоминаний остались только голод, холод и страх. И дикая жажда. В попытках отыскать воду он пересмотрел все бутылки на наличие хоть какой-то жидкости. Поиски всё же увенчались успехом, так как в паре бутылок действительно обнаружилась пахучая горькая вода. Димка, морщась и давясь, пил эту мерзость понемножку, когда жжение в пересохшем горле становилось нестерпимым. Два раза за окном опускалась ночь. Вечером третьего дня он пришёл в себя в квартире соседей, в окружении едва ли не всех людей, живших в подъезде. Потом его определили в больницу, из которой несколько дней спустя его забрала мать, – трезвая, одетая во всё чистое, причёсанная... Уже потом, годы спустя, соседи рассказали ему, что он всё-таки сумел позвать на помощь, стуча по полу стеклянными бутылками. Дмитрий этого не помнил. Сейчас, когда он смотрел на тощего изможденного малыша, его переполняла злоба.

– Почему это происходит? Как Бог такое допускает?..

Человек в плаще улыбнулся. Дмитрий обратил внимание на зажатую между его зубов сигарету, ароматный дым от которой медленно окутывал комнату.

– Ты удивишься, мой мальчик, но это не самое страшное из того, что Он творит от скуки, – Желтоглазый посмотрел на Дмитрия в упор. – У Него очень богатая фантазия. Теперь пойдём дальше.

– Подожди. Мы бросим его умирать? – Дмитрий указал на ребёнка.

– Этот малыш намного сильнее, чем кажется, – хитро подмигнул Дмитрию Желтоглазый. – Может быть, именно поэтому он стоит сейчас передо мной.

Димка махнул рукой. Парень со страшными глазами прав. Тем более, что исправить ничего уже было нельзя. Или можно?..

Дмитрий и Человек в плаще снова оказались в коридоре. Димка заметил, что освещение немного ухудшилось, изображения на стенах исчезли.

Следующая дверь была ярко-красного цвета, заколоченная двумя чёрными досками крест-накрест. Дмитрия охватило беспокойство. Ему почему-то совсем не хотелось знать, что скрывается за этой дверью. Димка непонятно откуда знал: там зло. Поэтому он сделал шаг назад и с надеждой взглянул на Желтоглазого:

– Эту пропустим?..

– Нет, – отрезал тот и протянул Дмитрию пачку сигарет. – Закуришь?

Дмитрий взял сигарету.

– Что за дверью? – спросил он.

– Зайди туда и посмотри сам, – Желтоглазый одним движением снял доски и открыл дверь. – Входи. Я подожду здесь.

Дмитрий вошёл, поёживаясь, как от холода.

Снова эта комната, грязные матрасы на полу и смрад. Мальчишка, правда, подросток. На вид ему около десяти лет. Он лежит на животе, опершись на локти и читает книгу. Дмитрию не нужно даже смотреть на её обложку, потому что в памяти уже всплывает название. «Дети синего фламинго». Любимая книга, прочитанная бесчисленное количество раз.

За стеной оглушительно играла музыка, слышались пьяные вопли. Похоже, сегодня мать устроила очередную вечеринку. Привычное дело.

Мальчик так увлёкся чтением, что не сразу понял, что в комнату зашёл один из гостей. Мужчина был пьян, но всё ещё крепко держался на ногах. Окинув комнату мутным взглядом, он сфокусировал внимание на мальчике.

Дмитрий вспомнил этот взгляд. Он уже знал, ЧТО сейчас должно произойти. И не хотел на это смотреть. Это было выше его сил.

«Такой тугой, сучёныш...»

Димка даже кричать не мог. Происходящее просто не укладывалось в его голове. Он не понимал, почему это случилось именно с ним. Адская боль туманила сознание. Он просто выл, впившись зубами в матрас. За тонкой стенкой, в кухне, всю продолжалось веселье...

Когда всё закончилось, Димка так и остался лежать как был, в приспущенных штанах, боясь пошевелиться. Мыслей не было, голова была абсолютно пустой. Он тихо плакал.

Сейчас, в эту самую секунду, Дмитрий стоял и смотрел

на весь этот кошмар со стороны, не имея возможности исправить, вмешаться, прекратить это. Больше всего на свете он хотел бы вернуться в прошлое на пять минут назад. Не входить в эту чёртову дверь. Не вспоминать. Не стоять сейчас беспомощно, сжав кулаки и наблюдая, как его маленькую копию насилует этот выродок, пока его родная мать хлещет водку в паре метров от него.

Димка вышел из комнаты, закрыл красную дверь и сел прямо на пол коридора, закрыв лицо руками.

Желтоглазый сел на пол рядом с ним, вытянув ноги вперёд, и закурил.

Дмитрий первым нарушил молчание:

– Ты – Дьявол, верно?

– Верно, – легко согласился Желтоглазый. – Но я тебя прошу не делать поспешных выводов. То, что происходит в этих комнатах, – не моих рук дело. Скажем так, я для этого недостаточно компетентен, несмотря на столь громкое имечко.

– Не твоих рук дело?.. А чьих тогда?

Дьявол улыбнулся. В его руках сверкнула зажигалка. Он закурил очередную сигарету.

– Мальчик мой, насколько сильна твоя вера в Бога? – спросил он.

Дмитрий задумался. Ситуация показалась ему нелепой. В самом деле, он сидит невесть где, не помня, кто он и откуда, и беседует с самим Дьяволом о Боге... Хотя, и правда, какие темы можно ещё обсудить с Рогатым? В то, что Дьявол на-

стоящий, Димка верил. А в то, что это всё ему только снится, уже нет. Таких снов не бывает.

Немного помедлив, Димка ответил:

– Я хотел бы верить сильнее.

Человек с огненными глазами внимательно на него посмотрел.

– Я тебе обязательно расскажу, как работает Божья система. Потом, не сейчас. Сначала ты должен вспомнить как можно больше. Просто знай: я не желаю тебе зла. Я не создан Богом, вопреки всеобщему заблуждению. Меня сотворили люди, творящие зло с именем Господа на устах. Я – дитя пороков этого мира. Я – грязь человеческая. Я сам до конца не понимаю, кто я такой на самом деле. Я – шут, я и здесь, и там, по ту сторону кулис. Веками я наблюдаю за Кукловодом, и единственное развлечение, которое я могу себе позволить, – это иногда запутывать нити, чтобы насолить ему. Но ты, мой мальчик, – другое дело. Ты уникален тем, что в своей безграничной добродетели и смирении стал своего рода Джек-потом там, наверху. Я впервые так рискую. Но я должен тебе показать и рассказать многие вещи, чтобы ты сам смог сделать правильный выбор.

Дьявол замолчал и снова закурил. Димка смотрел на него, не совсем понимая, о чём тот говорит. Но он был рад тому, что диалог налачился и Незнакомец стал более разговорчивым.

Дмитрий на секунду прикрыл глаза, а когда открыл, то

увидел, что коридор исчез. Они вдвоём в тех же позах сидели в подъезде жилого дома. Подъезд этот был до боли знаком Димке. Жёлтая, местами облупленная краска на стенах, литровая стеклянная банка с окурками у подножия лестницы, потёртая детская коляска справа от двери. На подъездной двери висело объявление, написанное от руки:

«Уважаемые жильцы кв.№ 29! Просьба слушать музыку потише, вы мешаете людям спать!»

Ниже, другим почерком, крупными буквами:

«ПОШЁЛ НА ХУЙ!»

В подъезде они с Желтоглазым были не одни. Чуть выше, на ступеньках, сидела молодая парочка: Зеленоглазая девушка с короткими тёмными волосами и застенчиво улыбающийся шатен. Обоим на вид лет 15–16. Они сидели молча, изредка встречаясь взглядами, смущённые, не знающие, с чего начать разговор.

Потом девушка взяла юношу за руку, и Дмитрия затрясло. Он вспомнил её.

Иринка. Смысл его жизни.

Он до мелочей помнил этот день. Она была новенькой в их классе. Ему тогда хватило лишь одного взгляда на эту девочку, чтобы понять: вот оно, то самое, единственно необходимое ему. Он не сказал ей ни слова, просто дождался её после уроков и просто шёл рядом. Так они оба узнали, что живут в соседних домах. Они зашли в подъезд её дома и сели на ступеньки. Молча. Сколько они сидели? Вечность, навер-

ное, но этой вечности было так мало. Потом она сказала, что ей пора, поцеловала его в щёку и убежала. Надо было что-то ответить, но Димка так и продолжал сидеть на лестнице, улыбаясь, как дурак.

– Обожаю этот эпизод, – шепнул Дьявол Дмитрию.

Димка молча кивнул. Он сидел ошеломлённый. Как же он мог всё это забыть?

«Снежок угодил Димке прямо в затылок, по его спине потекли ледяные струйки. Иринка заливалась смехом, упиваясь своей безоговорочной победой.

– Ты мой маленький снайпер, – сказал Димка, обнимая её. – Не замёрзла?

– Нет.

Она обвила его шею руками и уткнулась носом в его подбородок. Димка чувствовал её тёплое дыхание.

– Хочу, чтобы ты была моей. Всегда.

– Я и так твоя.

– Ты не поняла. Я хочу, чтобы ты была моей женой.

Она прижалась к нему ещё сильнее. Вокруг было удивительно безмолвно, с неба падали огромные хлопья снега, и в этой звенящей тишине Димка слышал тихое «да».

Дмитрий так задумался, что не сразу заметил, что они снова вернулись в коридор. Желтоглазый курил, выпуская дым вверх, к потолку.

– Ты часто куришь, – заметил Дмитрий.

– Это моя любимая вредная привычка, – ответил ему Дья-

вол, – которая, к сожалению, меня не убивает.

– Я хотел спросить... – Дмитрий замялся. – Моя Иринка... Где она сейчас?

Желтоглазый искоса посмотрел на него. Было в его глазах что-то такое... У Димки заныло в груди. В памяти вдруг всплыла жуткая картинка: Иринка бьёт его по груди кулаками, заходясь в истерике, кричит что-то нечленораздельное, в её глазах – дикая боль и ненависть. Что произошло?..

– Всеми своё время, мой мальчик, – сказал Дьявол. – Мы дойдём с тобой и до этой комнаты.

Он резво поднялся на ноги и поманил Дмитрия за собой. Тот повиновался.

Они не спеша шли по бесконечному коридору, который постепенно всё больше начинал походить на больничный. И, как ни странно, казался Димке знакомым и даже привычным. В нос ударил специфический запах медикаментов, сам коридор вдруг заполнился людьми, одетыми в белые медицинские халаты, которые сновали туда-сюда. Дмитрий знал их всех, по крайней мере, точно видел раньше не один раз. На ум приходили имена, непонятно откуда всплывавшие в памяти. Не спрашивая разрешения у своего спутника, Дмитрий распахивал все двери, встречавшиеся на пути, пока не попал туда, куда ему было нужно.

Кабинет с солидной табличкой «ВЫШНЕВ Д. А. ДЕТСКИЙ ОНКОЛОГ». Внутри большой дубовый стол, старое кожаное кресло, которое давно надо было бы выбросить, но

которое было чертовски удобным. Кипы бумаг, историй болезней, направлений, рецептурных бланков. Детские корявые рисунки на стенах, приколотые канцелярскими кнопками. Воздух в этом помещении был пропитан болью, страхом и надеждой. Димка сел в кресло и посмотрел на Желтоглазого.

– Это мой кабинет! Я здесь работаю. Я врач. Детский онколог.

Тот кивнул:

– Да.

Дмитрий оглядел кабинет. Взгляд его задержался на рисунках. Он помнил каждый из них. Он помнил каждого юного художника. Помнил диагноз каждого. Кого-то из них уже не было в живых, но рисунки оставались, и Дмитрий никак не мог заставить себя их снять.

– Я с детства мечтал быть врачом, – сказал Дмитрий. – всегда знал, что хочу помогать людям. Детям. Я добился своей цели. Иринка меня поддерживала. Я пытаюсь понять, что пошло не так. Моё детство было адом, но потом уже я сам был в ответе за свою жизнь. Что я сделал не так?

– Мальчик мой, ты никогда не был ни за что в ответе. Это иллюзия, присущая всем без исключения. Поэтому не мучай себя. Поверь, что бы ни случилось с тобой, – ты не в силах ничего изменить, – Желтоглазый раскрыл в пальцах недокуренную сигарету.

Дмитрий не совсем понимал, о чём он говорит. Многие

можно изменить, пока ты жив. Как говорится, то, что нас не убивает...

Если, конечно, он ещё жив. Чем дальше он шёл по коридору памяти, тем меньше он в это верил. Тем меньше он хотел быть живым...

Спрашивать о чём-то Желтоглазого было себе дороже. Дмитрий знал, что тот ничего лишнего ему не расскажет. Отделается своей странной болтовнёй про Бога. Димка не знал, во что верить. Да и как можно верить Дьяволу? Он же знаменитый обманщик всех времён. Вкрадчивыми речами проникает в душу, вытесняя веру, чтобы ввергнуть в грех. Но в то же время речи лукавого казались правдивыми. Дмитрий не хотел верить в то, что Бог и есть то самое зло, что целенаправленно рушило его жизнь шутки ради, но, чёрт возьми, своими словами Дьявол попал в точку. Сколько раз в своей жизни Димка ворочался перед сном, пытаясь осмыслить своё существование, сколько раз безуспешно зывал к Богу с просьбой защитить, помочь...

Димка хотел верить, что каждый человек сам выстраивает свою судьбу. Хотел верить.

Кукловод с большим чувством юмора? Хм...

Глава 3. Остатки веры

Навстречу им по коридору, вальяжно покачиваясь, шёл огромный чёрный кот. Увидев его, Желтоглазый грязно выругался. Кот в ответ зашипел.

– Фу ты, отродье, – пробурчал Дьявол.

– Это Иисус, – улыбнулся Димка, – наш Чёрный Иисус.

Он подхватил кота на руки и крепко прижал к себе. Тот сразу замурчал и лизнул Димку в щёку.

– Какая мерзость, – поморщился Желтоглазый. – Я, конечно, не имею ничего против этих шерстяных тварей, но нахожу их отвратительными. Кот Иисус? Кто придумал его так назвать?

– Я не знаю. Это общий дворовой кот. Я очень его любил, – Димка гладил кота по блестящей чёрной шерсти, не забывая почёсывать его за ушами.

Кот был общепризнанным любимцем двора. И хоть Дмитрий никак не мог вспомнить сам двор и свою жизнь того периода, Иисуса он вспомнил сразу. Бабушки, живущие в доме, выходя поутру из подъезда и видя довольного кота, развалившегося на лавочке у подъездной двери, неизменно восклицали: «Господи, опять ты?!» Так и повелось, что кота стали называть Иисусом. Дворовая шпана, в честь песни одного легендарного рэпера, мигом окрестила кота «Чёрным Иисусом», потому как кот был чернее ночи. Иисус был крайне

общительным парнем, ластился ко всем, без разбору, выпрашивая еду. Он радовал жильцов дома несколько лет, пока один местный алкаш в припадке бешеной ярости не убил его, взяв за хвост и шваркнув о ту самую лавочку, на которой тот так любил нежиться.

Дмитрий вдруг осознал, что держит на руках кота, который умер несколько лет назад. Но Иисус казался донельзя живым, он дышал, мурлыкал и привычно выгибал спинку под Димкиными пальцами. Может быть, где-то он и был мёртв и даже разложился, но тут, в лабиринте памяти, он был жив и невредим.

«И так будет всегда. Ничто и никто не исчезает бесследно. В закоулках души есть место для всего, что дорого. И оно там остаётся навечно».

Дьявол молчал, внимательно разглядывая Иисуса.

– Любопытно... – наконец сказал он. – Память возвращается к тебе быстрее, чем я думал. Вообще-то ты не должен был вспомнить этого кота.

– Почему? – спросил Дмитрий.

– Потому что ты никогда его не знал. Этот кот тебе незнаком.

Дмитрий чуть не рассмеялся:

– Этого не может быть. Я знаю и помню его. Это точно Иисус.

Дьявол снова прожёл Дмитрия насквозь своим долгим взглядом и повторил:

– Любопытно...

– Но ведь кот узнал меня, это очевидно, – не унимался Дмитрий.

– Кот и правда тебя отлично знал, – с раздражением в голосе ответил Желтоглазый. – Его не знал ты.

– Разве такое возможно? – удивился Дмитрий.

Дьявол промолчал и двинулся вперёд по коридору. Дмитрий зашагал следом.

Тем временем стены коридора постепенно окрашивались в зелёный цвет. По непонятным причинам, эта зелень душила Дмитрия. Считается, что зелёный – это цвет надежды. Но у Димки этот цвет вызывал тревогу. Он точно знал, что когда-то это был его любимый цвет. Когда-то...

Следующая дверь была также зелёного цвета, потому практически сливалась со стеной коридора. Эта дверь казалась такой знакомой. Такой родной. Дмитрий мог поклясться, что открывал эту дверь тысячи раз. Дверная ручка блестела, как отполированная.

– Я дома?... – Дмитрий вопросительно посмотрел на Дьявола. Тот кивнул и закурил.

Димка вошёл внутрь.

Это была детская комната, отделанная нежно-розовым. Море игрушек. Кроватка с балдахином. Пушистый белый коврик.

«Ты не имел права о таком забыть...»

Задыхаясь от волнения, он заглянул в детскую кроватку.

Там спала его маленькая дочь. Наверное, ей снился приятный сон, потому что она улыбалась во сне.

«Как же ты похожа на маму, милая моя».

Ей было не больше трёх. Личико обрамляли тёмные кудряшки. Дмитрий протянул руку и погладил дочь по голове.

– Как её зовут? – спросил внезапно появившийся из-за спины Димки Желтоглазый.

– Маша, – коротко ответил Дмитрий, продолжая гладить волосы дочери.

«Моя родная девочка».

Дмитрий не сразу понял, что плачет. Почему? Он не знал. Его не покидало ощущение страшной потери. Будто часть его души лежала здесь, в детской кроватке, а оставшаяся часть кровоточила, не переставая. Дмитрий отчего-то знал, что дочери больше нет, что он никогда её не увидит, что всё, что от неё осталось, находится здесь, в этой маленькой спальне в бескрайних коридорах его памяти за зелёной дверью.

Он вопросительно взглянул на Дьявола. Тот кивнул. В тот же момент картинка сменилась, и они оба опять оказались в коридоре. Зелёная дверь пропала.

– Нет! – заорал Дмитрий, хватая Желтоглазого за воротник пальто. – Верни её! Верни её мне сейчас же!

– Спокойно.

Дьявол одним движением оттолкнул Димку так, что тот, не устояв на ногах, упал на пол. Встав на колени, Дмитрий схватился за полы его чёрного плаща:

– Дай мне немного времени. Я хочу ещё немного времени побыть с ней!..

Дьявол не торопясь закурил. Затем впился в Димку злым взглядом. Димка застыл от страха, ибо глаза у Лукавого резко поменяли цвет с жёлтого на чёрный. Чернота эта вытекала из глаз, катилась по щекам и капала на плащ. Дьявол оскалился и громко произнёс:

– Времени? Ты говоришь о времени? У тебя оно было. Но только сейчас, когда ничего нельзя исправить, ты молишь о мгновении рядом с ней! Спроси себя, а где ты был, когда твоя дочь медленно умирала? Какие важные дела заставили тебя не заметить вовремя её болезнь? Почему тебя никогда не было рядом? Кто виноват в том, что самое главное в твоей жизни ты отодвигал на второй план?..

– Я. Я виноват. Во всём. – Димка отпустил плащ Дьявола и бессильно опустился на пол.

Дым от сигареты потемнел. Клубы сизо-чёрного дыма окутали коридор в считанные секунды. Дмитрий смотрел в холодные глаза Дьявола и плакал.

Желтоглазый за грудки поднял Дмитрия с пола и с силой втолкнул его спиной вперёд в невесть откуда взявшуюся дверь. Дмитрий повернулся...

«В 85 % детский рак излечим. Не теряйте надежду. Вы справитесь. МЫ справимся. За долгие годы моей работы из этого кабинета вышло огромное количество выздоровевших деток, держа за руку своих счастливых мам. Результаты об-

следования в целом не так уж плохи. Поверьте, бывает гораздо хуже. Вы пришли вовремя, и поэтому у нас с вами высокие шансы на успешное лечение».

Эти слова, произносимые мягким, бархатным голосом врача, успокаивали. Вселяли надежду. Дмитрий говорил их часто. Ему верили. И он сам, чёрт возьми, верил сам себе!..

Но однажды он не успел сказать их самым дорогим людям. Потому что было поздно. Пока он лечил чужих детей, болезнь медленно пожирала его родного ребёнка.

В центре небольшой комнаты стоял маленький гроб, обшитый красным бархатом. Рядом на коленях стояла Иринка и выла в голос, глядя по щеке мёртвую дочь. Машенька лежала в гробу как принцесса. Дмитрий сам выбирал ей платье. Он купил самое лучшее, пышное, как у невесты, красивого кремового оттенка. На осунувшемся за время болезни лице лежал слой грима, поэтому складывалось впечатление, что дочь просто спит.

«Моя маленькая Спящая красавица.

Прости меня.

Если бы можно было вернуть время вспять, я бы всё исправил».

Дмитрий подошёл к гробу, поцеловал дочь, погладил жену по волосам и вышел из комнаты.

Дьявол курил, прислонившись к стене. Глаза его приобрели привычный огненный оттенок.

– Долго ты, – сказал он Дмитрию.

Дмитрий не ответил. Он лёг на пол, закрыв глаза.

С меня хватит, подумал он, больше никаких комнат. Хватит. Я не хочу.

Краем глаза он заметил, что Желтоглазый примостился рядом с ним, подложив руки под голову и скрестив ноги. Сигарета была зажата у него между зубов, поэтому он выглядел, как заправский пират. Никто из них не спешил нарушить молчание. Каждый думал о своём.

Дмитрий видел перед собой глаза Иринки, полные слёз.

«Я ненавижу тебя. Это ты виноват. Тебя никогда не было дома. Тебе было плевать на нас. Она так ждала тебя. Всё время спрашивала, когда же, наконец, придёт папа. Она умерла по твоей вине. Её нет. Её просто нет. А ты стоишь передо мной, делаешь вид, что любил её. Если бы ты её любил, ты бы не позволил такому произойти. Лучше бы ты умер. Ты, а не она».

В Иринке что-то надломилось со смертью дочери. Если последние недели до конца она ещё как-то держалась, то после похорон Дмитрий стал всерьёз опасаться за её психическое здоровье. Поэтому он запрятал свою боль подальше и посвятил всего себя жене. Не оставлял её надолго одну. Почти насильно кормил и мыл. Большую часть времени она сидела в комнате Машки, уставившись в стену отсутствующим взглядом. Но иногда её накрывало. Она начинала кричать и кружить всё подряд.

«Почему ты так спокоен?! Потому что тебе наплевать на

неё, и на то, что её больше нет!...»

– Хватит, – сказал вдруг Желтоглазый. – Перестань. Ты виноват лишь в неправильной расстановке приоритетов. Не в смерти дочери. Её убил рак. Не ты.

– Очень приятно узнать, что ты всё это время читал мои мысли.

– Не каждый раз, – Дьявол потянулся и зевнул. Потом, чуть отодвинув рукав плаща, посмотрел на часы. – Нужно идти дальше. У нас не так много времени.

Как по мановению волшебной палочки, перед ними появилась дверь, окрашенная в белый цвет. На двери висел дурацкий значок, изображавший толстого кучерявого мальчика в мыльной пене.

Дверь ванной. Димка узнал её.

– Заходи, – приказным тоном сказал Дьявол, попыхивая сигаретой.

– Я знаю, что там. Я не стану входить... ещё раз, – Димка помотал головой, посмотрев в глаза Желтоглазому. – Там она, в ванне. Со вскрытыми венами. Знаешь, а ведь это я когда-то рассказал ей, что настоящие самоубийцы режут вены вдоль, а не поперёк, потому что так уж точно наверняка.

Димка громко рассмеялся. Дьявол протянул ему уже подкуренную сигарету. Димка взял её дрожащей рукой и стал делать быстрые затяжки, одну за другой, пока у него между пальцев не остался только тлеющий фильтр.

– А я сразу почувствовал. Вот как сейчас. Ещё не успел

тогда в квартиру зайти, а уже в голове как будто что-то щёлкнуло. Я даже больше скажу: это то самое, чего я боялся, потому что знал, что это может произойти.

– А что было потом? – ровным голосом спросил Дьявол. Димка наконец перестал смеяться. Задумался.

– Это я плохо помню. После смерти Иринки я загремел в больницу. Меня там все очень жалели. Все эти долбанные соболезнования, моральная поддержка и прочая бессмысленная хрень. Я жутко хотел домой. Мне всё время казалось, что мои девчонки ждут меня там, скучают одни.

Ароматный сигаретный дым словно успокаивал Димку, возвращая душевное равновесие и здравый рассудок. Взглянув на Дьявола, он спросил:

– Ещё будут комнаты?

– На самом деле, мой мальчик, закрытых комнат в твоей памяти сотни. Те, в которых ты побывал, – ключевые, самые важные. Мы должны идти дальше, – сказал Желтоглазый и хлопнул в ладоши.

От неожиданности Димка моргнул, и реальность снова поменялась. Оглядевшись, он понял, что перед ним больничная палата.

В палате было темно и тихо. Дмитрий сначала даже подумал, что в ней никого нет. Но как только глаза начали привыкать к плохому освещению, он разглядел лежащего на больничной койке человека. Тот был очень худым и походил на покойника. Он лежал совершенно голый, без движения, и,

как показалось Дмитрию, даже не дышал.

Димка почти не удивился, узнав в лежащем человеке себя. Не было ужаса, изумления и паники. Он просто смотрел на своё тело, ощущая внутри себя усталость и щемящее чувство жалости.

«Ну вот и всё. Это последняя комната. Последняя... Вся моя жизнь – это чёртов коридор, заканчивающийся тупиком. Двери, ведущие во мрак. Комнаты, пропитанные болью и дерьмом.

Эй, жизнь, я тебя ненавижу».

Димка опустился на койку в ногах лежащего. Жалобно скрипнули железные пружины. Уловив запах сигарет, он повернул голову и посмотрел на дверь. Дьявол стоял, облокотившись на дверной косяк, и пристально смотрел на Димку. Этот взгляд огненных глаз не жёг насквозь, как обычно. Напротив, Дмитрий ощутил пронизывающий холод, почувствовал, что падает в ледяную бездну, в вакуум. Дым от сигареты почернел и стал сгущаться вокруг больничной койки.

Вдруг что-то коснулось его руки. Димка резко обернулся. Его двойник уже не лежал, он сидел на койке, вытянув руки, пытаясь дотянуться до Дмитрия. Его потрескавшиеся губы беззвучно шевелились, глаза смотрели на Димку с болью. Неожиданно для себя Дмитрий подался вперёд и крепко обнял его.

В этот момент раздался жуткий грохот, палата затряслась, словно началось землетрясение. Зазвенели осколки разби-

того оконного стекла, с потолка посыпалась известь и штукатурка, по стенам, как змеи, побежали огромные трещины. Дмитрий сильнее вцепился пальцами в спину двойника, словно пытаясь удержаться, сохранить равновесие.

Палата стала крениться набок. Димка закрыл глаза.

Глава 4. Выбор

Он почувствовал, что кто-то схватил его за руку чуть выше локтя. Открыв глаза, он увидел Дьявола.

Шум вокруг стих. Палата исчезла. Они вдвоём стояли на крыше какого-то высотного здания. Дмитрий взглянул вниз, и ему стало страшно.

– Ты вспомнил главное. Теперь тебе решать, – Дьявол посмотрел на Дмитрия строгими жёлтыми глазами.

– Я... не могу. Я не знаю! Что я должен решить?

– У тебя есть выбор, мой мальчик. Ты был в последней комнате. Ты знаешь, как закончилась твоя жизнь. У тебя остались вопросы о Боге?

– Но здесь нет Бога. Есть только ты.

– Но в твоих интересах выбросить из своей головы даже мысли о нём, иначе Он услышит.

– Услышит? И что тогда будет?

– Он лишит тебя выбора.

Димка с отчаянием в голосе крикнул:

– Я же верил в Бога, мать твою! Верил! Я...

– Вера – это не есть выход, – перебил Желтоглазый.

– А как тогда жить, если ни во что не верить? Теряется всякий смысл...

– Мальчик мой, глупо существовать в этом мире с одной-единственной целью, – после смерти попасть на небеса и

обрести бессмертные души. Многие люди рассуждают так же, как и ты, только потому, что у них нет выбора. Так уж получилось, что все вы получаете клеймо религии при рождении. Вы всю жизнь носите на себе ошейник с прибитым к кресту евреем, который – уж поверь мне! – не имеет никакого родства с Богом, хоть парня и правда безумно жаль... Религия опутала ваши жизни, как невидимая паутина, она зародилась задолго до вашего рождения и продолжит существовать после вашей смерти. Даже после падения вашей цивилизации она возникнет вновь, пусть даже не в том виде, в каком вы привыкли её видеть. Вера – это инструмент воздействия на толпу. Религия – это более мягкий, но не менее страшный способ управлять массами, чем, например, геноцид.

Дьявол замолчал, прикуривая сигарету. Долго щёлкал зажигалкой. Димку уже начинало это бесить. Ну ты же Дьявол, чёрт тебя дер! Ты не мог достать себе нормальную зажигалку?!

Наконец появился огонь. Желтоглазый глубоко затаился и продолжил:

– Я вовсе не против веры. Как можно не верить в то, что Бог есть, если Он и правда есть? Просто не нужно возносить Его на пьедестал, не надо считать себя Его рабами, не надо искать смысл своего существования в служении Ему, не надо ждать лучшей жизни, думая, что текущая жизнь – простое преддверие рая. В вашей жизни так много замечательного и удивительного. Человек Разумный получил на руки ключи

от понимания законов этой Вселенной...

– А есть ли жизнь на других планетах? – перебил Дмитрий.

Дьявол спокойно ответил:

– Они все такие же идиоты, как и вы.

Димка кивнул, почувствовав себя глупо. Он вдруг подумал, каким жалким и никчёмным видит его сейчас Лукавый. Похоже, про Человека Разумного тот немного перегнул...

– У меня просто заканчивались аргументы, – сердито сказал Желтоглазый, пытаясь прикурить очередную сигарету и снова щёлкая – да чтоб её! – зажигалкой.

– Ну хорошо. Пусть всё, что ты говоришь, – правда. Но ты не забыл, что нас с детства учат, что всю нашу жизнь нам стоит быть начеку и не поддаваться речам Лукавого, который будет всячески нас искушать и пытаться очернить Господа в наших глазах? Почему я должен тебе верить? Откуда мне знать, что ты не лжёшь?

– Согласись, что ты в своей жизни грешил не так уж чтобы много, мальчик мой, при этом выбор, как поступить, всегда оставался за тобой. Была ли твоя жизнь счастливой? – строго спросил Дьявол. Дмитрий промолчал. – И знаешь, меня эти ваши разговоры про искушение раздражают! Вас тут несколько миллиардов вообще-то! Делать мне нечего, как ходить за каждым и нашёптывать на ухо гадости про Боженьку. Уж поверь мне на слово, совершая жуткие и грязные поступки, люди прекрасно обходятся без моей помощи.

Тем более, ваша религия обещает вам полное прощение всех совершённых вами грехов, а это очень удобно, ты не находишь?

Димку позабавило то, как завёлся Дьявол. Похоже, дай ему волю, он бы мигом переписал Библию на свой лад. Но он понимал, что, засмеявшись, может обидеть Желтоглазого. Несмотря на то, что тот был самым настоящим Дьяволом, он почему-то вызывал симпатию и казался неплохим парнем.

– Взаимно, – буркнул Дьявол.

Воцарилось недолгое молчание.

Димка первым нарушил молчание:

– Ты ушёл от темы. Ты так и не рассказал мне, что со мной произошло. Там был я, в той палате. Я теперь помню свою жизнь, но я не знаю, чем всё закончилось. Что было после смерти моей жены?

Дьявол внимательно посмотрел на Димку и ответил:

– Я расскажу тебе. В тот день, когда ты осознал, что твоей семьи больше нет, ты сошёл с ума.

Димка посмотрел на Желтоглазого недоверчиво. Тот сразу поправился:

– То есть, твой мозг блокировал травмирующие события и заменил их воспоминаниями из твоего детства. Ты даже не понял, что произошло. Ты оказался в некой капсуле, отрезанной от жизни. Ты был по-своему счастлив. Ты не помнил ничего, мозг стёр из твоей памяти горе, оставив твоё мышление на уровне мышления пятилетнего беззаботного ребёнка.

Когда ты сломался, твоей матери пришлось забрать тебя к себе. Ты сам понимаешь, что ей это не слишком пришлось по вкусу. Долгое время ты был типичным дворовым дураком. Весёлым, безумным, со стекающей по подбородку слюной. Твой разум крепко спал. Поэтому очень странно, что ты вспомнил того чёрного кота. Я этого не могу понять и объяснить до сих пор.

– Разве то, что ты говоришь, возможно? – Димка не верил своим ушам.

– Да. Так бывает, что происходящие с тобою события могут тебя убить. Но милостивый Бог приготовил для тебя кое-то другое.

– Я не понимаю...

Дьявол придвинулся ближе:

– Мальчик мой, ты ведь спрашивал у Бога, – за что? Почему твоя жизнь летит ко всем чертям? Что он тебе ответил? Ничего. За что тебе всё это? Просто так. Просто потому, что Ему так захотелось. Бог исковеркал твою жизнь по собственной прихоти. Я открою тебе маленький секрет: это и есть главная идея веры в Него. Ты должен смиренно принимать испытания, ниспосланные тебе свыше. Целуй мне ноги, раб, падай на колени!..

– Зачем ему я?

– Ты – святой. Ты – блаженный. Он вылепил твою жизнь, как игрушку, и Он же её и сломал. Ему нужна отборная, жирная добродетельная душа. Душа мученика. Ты стал размен-

ной монетой высшего достоинства. Такие, как ты, всегда были для него вкусным лакомством. Вишенкой на торте должна была стать твоя мученическая смерть после долгих страданий. О, Он придумал отличную развязку к сценарию твоей жизни.

– Что Он сделал? – тихо спросил Дмитрий.

– Дети иногда бывают очень жестокими. В твоём дворе ребяташки очень любили над тобой издеваться. Смеялись, гонялись за тобой, обзывались, кидались камнями. Для них это было чем-то вроде игры. Но однажды игра зашла слишком далеко, причём не без помощи нашего общего приятеля, – Дьявол показал глазами вверх.

– Дети? – усмехнулся Дмитрий. – Меня убили дети?

– Не совсем. Они не убили тебя тогда, но ты получил сильные травмы головы. Ты провёл в коме ровно пять лет. И сейчас на кону стоит неприлично крупный выигрыш – ты. Я проделал большую работу, чтобы отвлечь Создателя от твоей персоны. Раскаявшиеся души для него вроде мороженого, очень освежают, – Желтоглазый улыбнулся собственной шутке. – Я зарезал пару ягнят во имя Кукловода. Эти несколько душ были своего рода приманкой.

– Несколько душ?.. Кто эти люди? – Дмитрия осенила жуткая догадка, – это те дети?!

– Не бери в голову, мой мальчик. Они все наказаны. Хотя... их немного жаль. Они играли роли палачей, навязанные им свыше. Но, как ни крути, они были плохими людьми. Та-

кими легче всего манипулировать, они наилучшие инструменты в руках Вседержителя. Они раскаялись перед смертью, и этим заслужили Прощение. И в качестве бонуса, – отвлекли внимание Господа от главной фигуры в этой игре.

– Мама тоже? – шёпотом спросил Дмитрий.

– Да. Те дети забивали тебя камнями под её молчаливое одобрение. Она наблюдала за происходящим из окна, но даже не подумала вмешаться и спасти тебя. Она мечтала от тебя избавиться, а уж когда подвернулся такой случай сделать это чужими руками, она была счастлива.

Внутри Димки бушевало пламя. Слова Дьявола казались бредом сумасшедшего. Ему было сложно осознавать услышанное.

Он и правда не помнил ничего из того, о чём сейчас говорил Дьявол. Последние воспоминания, – насквозь прокуренная квартира, пустые бутылки, тяжёлый рок и одиночество.

Что было дальше? Ничего путного на ум не приходило. Если верить Лукавому, то он сейчас лежит в глубокой коме в отделении реанимации.

Но ведь он вспомнил Иисуса. Этот пушистый засранец каким-то образом смог сломать барьер.

– Зачем Бог это делает? Ты хочешь сказать, что он питается душами людей, которые были мучениками при жизни? – у Димки шла кругом голова. – И это при том, что Он сам делает их такими?!

– Я говорил тебе уже, мой мальчик, что у Него большое

чувство юмора.

– И что теперь? Что мне делать теперь, когда я всё это узнал?

– Сделать правильный выбор, не более, – Желтоглазый, немного повоевав с зажигалкой, закурил. Выпустив изо рта облако дыма, он продолжил:

– Я здесь, чтобы помочь тебе. Я знаю, о чём ты сейчас думаешь. Ты не доверяешь мне. Хочешь спросить, зачем всё это нужно мне? Зачем я пробудил твой разум, зачем заставил тебя вспомнить твою жизнь, зачем я вообще вмешался в Божий замысел?

– Да, – твёрдо ответил Димка. – Я хочу это знать.

Он весь напрягся и замер в ожидании ответа.

– Мне стало тебя жаль.

Дмитрий ждал продолжения, но его не было. Дьявол молчал, стряхивая пепел с сигареты после каждой затяжки.

– Это всё? – разозлился Дмитрий.

– Да, мой мальчик, – ответил Лукавый, пытаясь подкурить очередную сигарету. Зажигалка его не слушалась. Вероятно, что в ней всё же закончился газ, но Желтоглазый упорно продолжал ею чиркать.

Дмитрий взорвался:

– Тебе жаль?! Тебе?! Жаль! Да кто ты такой, мать твою, кто такой этот твой Бог, чтобы рушить мою жизнь? Что за игры вы устраиваете? Что я вам, уроды, сделал?! – с этими словами Димка вырвал из рук Дьявола зажигалку и с размаху

швырнул её вниз с крыши.

– Придётся искать новую, – задумчиво пробормотал Дьявол.

Димка сел на корточки, обхватив колени руками. Происходящее напоминало ему низкосортный дешёвый триллер, где он играл третьестепенную роль.

Дьявол рассеянно крутил в руке незажжённую сигарету.

Димка первым нарушил молчание:

– У меня много времени?..

– Не особенно, – ответил Желтоглазый спокойным голосом.

– Ну... когда я должен сделать выбор?

– Прямо сейчас, – Дьявол пристально посмотрел на Дмитрия. – Там, наверху, уже пронюхали о моём спектакле. Надо спешить. Времени почти нет. Давай, думай, мой мальчик. У тебя есть только два пути: к Нему или ко мне. Что тебя ждёт наверху, ты уже знаешь.

– А если я пойду с тобой?

Жёлтые глаза Дьявола заволокло сизой дымкой. Чуть помедлив, он ответил:

– Если ты выберешь меня, то я обещаю тебе забвение. Боль и страдания уйдут навсегда.

– А я увижу... их?

– Это невозможно, мой мальчик. У каждого из вас свой персональный ад. Рая не существует, поэтому твоей дочери больше нет. Твоя жена не выдержала чувства вины и поже-

лала сгореть дотла в адском огне. Я не смог ничего для неё сделать, поэтому мне оставалось только выполнить её просьбу. Она сделала выбор уйти навсегда. Огонь убил её душу. Ты остался один, прими это как факт.

– Почему ты ждал столько времени? Целых пять грёбаных лет? – устало спросил Дмитрий.

– Я не мог вмешаться сразу, меня бы быстро вычислили. Тем более, я должен был подождать, когда к виновным придёт раскаяние, которое высушит их души. Они стали отличной приманкой. Всё это время Бог просто ждал твоей смерти. Он уже считал твою измученную душу своей. А теперь он в бешеной ярости. Я это чувствую. Скоро сюда слетятся крылатые.

– Ангелы?..

– О, да. Именно так вы их называете. Прекрасное слово, но оно слишком благозвучное для этих тварей. Как же хочется курить... – Дьявол рассеянно похлопал себя по карманам плаща.

– Я на секунду, – обратился он к Дмитрию и исчез, молниеносно растворившись в воздухе.

Димка остался один. Пытаясь собраться с мыслями и успокоиться, он несколько раз глубоко вдохнул свежий, прохладный воздух, делая каждый раз резкие выдохи. Немного полегчало.

Он подошел к самому краю крыши и посмотрел вниз, в темноту.

Вдруг сверху раздался шум. Димка вскинул голову к небу.

Там, наверху, явно происходило что-то нехорошее. Сгустившиеся тучи приобрели тёмно-фиолетовый оттенок, их всюду прошивали молнии. Странно, но Димка не слышал звука грома. Предчувствие у него было плохое.

«Нет, мать вашу. В такой Рай я не хочу».

Внезапно Димка почувствовал знакомый запах сигаретного дыма. Обернувшись, он увидел Дьявола с сигаретой.

– Стащил зажигалку в одной из комнат, – пояснил Желтоглазый. – У паренька, самозабвенно горляющего под гитару хиты патлатого квартета.

Дмитрий с интересом посмотрел на зажигалку в руке Дьявола:

– Так вот куда она тогда делась...

– Так что ты решил, мой мальчик?

– Мне страшно, – просто сказал Димка. – Я не знаю...

– Ты можешь пойти к Нему. Без дураков. Сделай выбор в Его пользу, и я просто исчезну, оставив тебя лежать в твоей палате. Я даже могу стереть из твоей памяти свой облик и всё то, что ты увидел и узнал благодаря мне. Ты можешь не верить мне, это твоё право. Но если ты пойдёшь со мной, то я обещаю заботиться о тебе вечно. Ты будешь счастлив в своём забвении, у тебя будет всё, о чём бы ты ни попросил. Выбор за тобой.

В трансформаторную будку неподалёку от них ударила молния, высекая столб огненных искр.

– Ну же! – крикнул Дьявол.

В голове Димки был хаос. Он посмотрел вверх. Тучи в небе образовали огромную вращающуюся воронку, по краям которой парило невероятное количество крылатых существ с белым оперением.

Дьявол рванул его за плечо, разворачивая к себе и заставляя посмотреть в свои жёлтые глаза:

– Вспомни, что ты сказал Богу на похоронах своей дочери?..

– «Я отрекаюсь от тебя», – машинально ответил Димка.

Затем, молниеносно приняв решение, он заорал, снова устремив взгляд в небо:

– Я отрекаюсь от тебя, ты слышишь?! Отрекаюсь!..

Небо пронзила огромная молния, и оно расколосось на тысячи белоснежных осколков, которые стремительно ринулись вниз. Димка понял, что они летят за ним. Тишину прервал оглушительный вой крылатых существ, на бешеной скорости приближающихся к нему.

– Прыгай! – крикнул Дьявол.

Димка подбежал к краю крыши и, оттолкнувшись от заграждения руками, легко перемахнул через него. Он падал спиной вперёд, раскинув руки, как подбитая птица. Дьявол летел рядом, крепко стиснув его правую ладонь. Димка чувствовал нарастающий жар по мере приближения к земле. Он изловчился и посмотрел через плечо вниз. Там, внизу, разверзлось адское пекло с длинными рыжими языками пла-

мени. Он на секунду зажмурился, когда температура стала нестерпимо высокой. Крылатые были уже близко. До Димки доносился шум их крыльев и злобное рычание. Судя по их оскаленным мордам, им явно не нравился огонь. Но отступать они не собирались, даже когда адское пламя начало охватывать их оперение, они упорно работали крыльями, пытаясь достать ускользающую добычу своими когтистыми белёсыми лапами. Когда огонь над Димкой почти полностью замкнулся, один из Крылатых достиг своей цели. Его острые длинные когти впились Димке в грудь и потащили наверх. Дьявол ещё крепче сжал ладонь Димки, резким рывком притянув его к себе. Дмитрий закричал от боли, и тут же пекло окутало его, словно одеялом, в одно мгновение испепелив Крылатого.

Он потерял сознание.

Эпилог

Мне здесь нравится. Иногда я скучаю по своему двору, но всё же тут гораздо интереснее.

Теперь у меня есть мольберт. И когда я рисую, то чувствую себя настоящим художником!

Здесь есть речка. Иногда мы там рыбачим. Мы – это я и мой кот Иисус. Ну, тот, который чёрный и ласковый. Человек в плаще разрешил мне его оставить, когда тот пришёл. Я сразу догадался, что человек с солнечными глазами не любит кошек. Я так смеялся, когда он кричал на Иисуса: «Откуда ты взялся, тварь?!». Я прямо покатывался со смеху. Потом я испугался, что он выгонит Иисуса, но он сказал, что я могу оставить его здесь. И добавил, что это всё потому, что я его маленький мальчик, и всё, о чём я ни попрошу, он мне всегда разрешит.

Добрый человек приходит ко мне в гости почти каждый день. Иногда он просто молчит и смотрит на меня. Иногда спрашивает, как у меня дела.

О, у меня всегда есть столько всего рассказать!.. Он всегда внимательно слушает. Он умеет слушать, что правда, то правда.

Иногда, когда мы с ним сидим у берега реки возле вечернего костра, он рассказывает мне разные истории. Я ем конфеты и слушаю. Теперь у меня много конфет, – столько,

сколько я захочу.

Желтоглазый человек больше не смотрит на часы. Потому мне больше не страшно, что он уйдёт. Он сказал мне, что будет всегда заботиться обо мне. Наверное, поэтому он даёт мне всё, что я захочу. У меня здесь красивый маленький домик с высоким крыльцом и большими окнами, в которые я люблю иногда смотреть на дождь за окном. Желтоглазый человек сказал, что если мне не нравится непогода, то он может сделать так, чтобы на улице всегда было тепло и ясно, но я отказался. Я люблю дождь.

В хмурые дни, когда прохладно, мы с Человеком в плаще играем в доктора. Он тоже, как и я, очень любит эту игру. Правда, он всегда отказывается лежать в одной палате с Иисусом, сразу начинает чихать и требовать вылечить его от аллергии, иначе он пожалуется в какой-то там Минздрав. Меня это слово всегда смешит. Желтоглазый человек такой забавный! Я, конечно, не особенно разбираюсь в кошках, но мне кажется, что иногда Иисус его специально подначивает.

А ещё я попросил у Солнечного человека мотоцикл. Он очень удивился, но выполнил мою просьбу. Мотоцикл он мне подарил красивый, зелёный. Он знает, что это мой любимый цвет. Он сказал, как называется мотоцикл, но я забыл это слово, хоть оно и короткое. Я помню, что мама курила сигареты с таким названием. Теперь мы с Желтоглазым человеком по вечерам частенько устраиваем гонки вдоль реки. Я почти всегда выигрываю. Правда, у меня бывает ощущение

ние, что он поддаётся мне, но он это категорически отрицает, прищуривав свои оранжевые глаза.

Однажды Желтоглазый человек принёс мне фотографии двух девочек. Одна из них была совсем взрослая, а вторая – маленькая. Он сказал, что эти девочки очень меня любили раньше. Я ответил ему, что впервые их вижу, но они и правда очень красивые. Я бы точно с ними подружился. Я их даже нарисовал. Теперь они улыбаются мне с моего мольберта.

Для человека в плаще я нарисовал особый рисунок: зажигалка, и вместо огонька солнце. Я старался. Я же знаю, как он любит курить, а свою зажигалку он даже давал мне подержать в руках.

Он очень хвалил меня.

Я ему сказал:

– По-моему, это мой самый лучший рисунок. Даже Иисус посмотрел и сказал: «Мяу». Как думаете, он так сказал, потому что ему понравилось?

– Конечно. Коты никогда не говорят «мяу» просто так.

Я покраснел. Я ещё никак не могу привыкнуть к тому, что он меня постоянно хвалит.

Он всегда говорит мне ласковые слова. Он называет меня «мой мальчик». Я каждый раз смеюсь. Моя мама говорила, что я взрослый, и что мне целых тридцать пять лет! Я рассказывал об этом Желтоглазому человеку, но он всё время всё забывает.

Иногда я хочу спросить у него про маму, но что-то меня

останавливает. Мама часто говорила мне, что я должен её любить, потому что она дала мне жизнь. Наверное, я её любил. Но мне так хорошо здесь, без неё. Здесь я дома. Здесь всё так, как мне захочется. Может быть, поэтому я не разговариваю о ней с желтоглазым человеком.

Кстати, я только сегодня вспомнил, что так и не спросил у него, как его зовут. Вот же идиот! Я сразу же решил это исправить. Мы сидели с ним на крыльце моего домика и любовались закатом. Я попросил его сказать мне его имя.

И он ответил:

– Моё имя – Дьявол. Князь Тьмы.

И подмигнул.